

Маруса
Уварова

Букет
кактусов

«Наверное, Стас в чем-то прав. Но это
слишком жестокая кара, Господи! Нельзя
так наказывать за любовь».

Лариса Уварова

Букет кактусов

Текст предоставлен правообладателем «Научная книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167148

Л. Уварова Букет кактусов: АСТ, Астрель; Москва; 2002

ISBN 5-17-006431-4, 5-271-03212-4

Аннотация

Студентка первого курса университета Саша Александрова, симпатичная восемнадцатилетняя девчонка из провинциального городка, с головой окунается в студенческую жизнь, где ее ожидают не только радость и веселье, но и тяжелые испытания. У Саши появляются новые друзья. Тут же она встречает свою первую любовь, которая оказывается роковой и круто меняет всю ее последующую жизнь...

Содержание

Книга первая.	4
1	4
2	26
3	41
4	53
5	58
6	67
7	77
Книга вторая. Гроза	86
8	86
9	105
10	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Лариса Уварова

Букет кактусов

Книга первая.

1

Вдоль тихой улочки с ничего не говорящим названием Техническая летели первые утраты осени желтые тополиные листья. Осени было не более двенадцати часов от роду, а листьев она набросала уже много: постарался жаркий засушливый август. Они летели, подгоняемые легким бризом с местного «моря» – водохранилища, которое придавало этому, в общем-то, сухопутному российскому городу и впрямь почти что морской вид. Бледно-зеленые, лимонные и совсем уже янтарные листочки-ладошки, подставленные солнцу в последней мольбе, отчаянной и безнадежной, неслись над пыльной улицей, сшибались в танце, вальсировали парами, чтобы через секунду навеки разлучиться по прихоти диктатора-ветра. И, наконец, замирали где-нибудь в пыли под забором – среди таких же первых ласточек «пышного природы увяданья»...

– Ну что, родненький? Кончилось твое время? Лети, лети,

я больше гербарии не собираю!

Александра стряхнула с плеча огромный, совсем еще свежий лист, который неожиданно лег яркой аппликацией на ее черное платье. А стряхнув, не смогла отказать себе в удовольствии еще раз убедиться, до чего же здорово сидит на ней фирменное «сафари». Месяц назад это потрясающее платье, стоившее две трети маминой учительской зарплаты, стало «гвоздем» толкучки маленького городка Звенигорска – и по праву досталось ей, единственной «золотой» медалистке на все пять средних школ райцентра, не говоря уже о Звенигорском районе. Но девчонке все еще было трудно привыкнуть к мысли, что она может вот так запросто носить такую дорогую и стильную вещь.

Листок нехотя спланировал ей под ноги, и Саша, проводив его глазами, улыбнулась. А ведь и в самом деле: неплохой экземпляр для гербария! Обычно на прожилках зелень сохраняется дольше, а у этого – наоборот: сам еще как огурчик, а жилки совсем золотые... Чудно!

Поднять, что ли, этого бедолагу? Да засушить где-нибудь между корочками новенького, только что выданного студенческого билета – на память об этом первом сентября?.. Самом первом, которое она, Александра Александровна Александрова (ударение на букву «о»), тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, русская, «спортсменка, комсомолка, наконец, просто красавица», встретила не в милом сердцу Звенигорске, среди знакомых, дорогих людей и при-

вычных вещей, а в этом большом областном городе. Встретила студенткой первого курса факультета журналистики Воронежского государственного университета, одетой в модное платье-«сафари» и австрийские туфельки из военторга аж за целых шестьдесят два «ре»...

Это ж просто с ума сойти: она, Саша Александрова, еще вчера обычная школьница из провинции, – сегодня студентка университета! Нет, такое стоит отметить. Хотя бы засушенным тополиным листком!

Пыльная витрина магазина «Кулинария» отразила стройную девчоночью фигурку в плотно облегающем спортивном платье, увенчанную пышным «конским хвостом», который красивыми волнами спадал на левое плечо. Она быстро наклонилась и расправила на ладошке упавший листок. Потом, достав из сумочки толстую тетрадку в клеенчатом переплете, бережно спрятала в нее свою находку.

– Полезай-ка сюда, родненький. Тебе крупно повезло: будешь сохранен для истории. Спи спокойно, я о тебе позабочусь. Отлетался... А моя жизнь, дорогой листочек, только-только начинается! «Начинается жизнь, начинается, вслед за солнцем со дна моря поднимается...»

Под собственное мурлыканье девчонка сделала на асфальте несколько танцевальных па – и вдруг застыла, увидев в витрине еще два человеческих силуэта. Господи, как это они подкрались так неслышно?!

Неподалеку от Саши стояли, подталкивая друг друга лок-

тиями, двое парней-африканцев. Оба высокие, стройные и широкоплечие, вовсе не пухлые губы, прямые волосы, оба одинаково сияли белизной рубашек, глазных белков и «полнометражных» – от уха до уха – улыбок. Этого сияния не могла затупить даже муть витринного стекла.

Александра прыснула в кулак – никак не могла удержаться! Но тут же стала серьезной и сделала вид, что сосредоточенно рассматривает что-то в витрине. Хотя там не было ничего, кроме выгоревших искусственных цветов, щедро засиженных мухами. Ладно: сейчас эти двое увидят, что она не обращает на них внимания, и пойдут своей дорогой...

Но парни не уходили. Они все так же скалили зубы и шушукались за спиной у девушки. Исподтишка разглядев ребята, Саша узнала их: кажется, они вместе с ней получали сейчас студенческие билеты в большой аудитории университетского корпуса номер три, который журналисты делили с военной кафедрой.

– Ай-яй-яй! Карашо танцуешь, дэвушка! Меня учишь, ладно?

Это осмелел тот, что был немного пониже своего приятеля. Ничего не поделаешь: придется обернуться...

– Научу! Но не тебя, а твоего друга – если будет хорошо себя вести. Он выше, мне по росту больше подходит. А тебя могу научить играть в шахматы: в эту игру играют сидя.

Произнеся эту озорную тираду, Александра, которая впервые разговаривала с иностранцами, тут же пожалела о

сказанном. Еще обидится, не дай Бог... И она, Саша Александрова, едва обзаведясь студенческим билетом, станет причиной международного скандала! Но оба африканца, не долго думая, захохотали, и у девчонки отлегло от сердца.

– В шахмат я умею, дэвушка. И еще много всего... Ты не смотри, что я маленький! А мой друг и сам карашо танцует – знаешь как? Ай-яй-яй! – парень в восторге прищелкнул языком. – Лучшее всех! Можешь проверять, дэвушка. Он сам тебя учит, хочешь?

Он болтал с ужасающим акцентом, но бойко и весело. И вообще, по-видимому, относился к тому типу людей, которые не тушуются никогда и ни по какой причине. А вот его дружок – «танцор» – был явно из другого теста. Его темно-карие телячьи глаза и улыбка в оригинале (то есть без посредства витринного стекла) выглядели чуть смущенными.

– Не болтай, Бен. Что девушка подумает про нас с тобой? Голос у этого был пониже и поглубже, а акцент – поменьше.

– Она подумает, мы – веселые парни. Это правда, дэвушка! Меня зовут Бен, а мой друг – Рэй. Мы оба из Эфиопия. А как твое имя? Ты наш однокурсница, правда? Мы тебя узнали, дэвушка!

– Я Александра, можно просто Саша.

– Э! Разве можно дэвушка звать Саша, как парень?!

– Как видите, можно. Что тут удивительного? В мире много таких имен, что подходят и женщинам, и мужчинам. А

вообще-то, назвали меня правильно: меня всю жизнь путали с парнем. Только когда отпустила волосы, перестали.

– «Путали»?..

Бен вопросительно взглянул на Рэя, но тот не успел продемонстрировать ни свои познания в русском языке, ни их отсутствие. Девушка Саша сама пришла на помощь.

– Все считали, что я похожа на парня, понимаете? На мальчишку. Особенно когда была маленькая.

– Дураки! – резюмировал Бен. – Ты очень красивый, Саша! И совсем не похож на парень. Правда, Рэй?

Прежде чем ответить, Рэй толкнул дружка локтем. И только потом, не выдержав, метнул на Александру быстрый и цепкий взгляд, от которого девчонке стало слегка не по себе. С тех пор как отпустила волосы, она все чаще замечала, что парни бросают на нее такие взгляды. Но не знала, как на них реагировать.

– Да, очень красивая...

– Знаешь, Саша? – Бен заговорщически наклонил к ней свою лохматую голову. – Ты мне очень понравился! Я бы попросил тебя стать мой подруга, правда! Но я не могу, Саша.

– Почему это не можешь, Бен? Может, я согласилась бы?

Чувствуя, что серьезность Бена только маскирует очередную шутку, Александра решила поддержать игру.

– Не могу, потому что ты очень понравился мой друг Рэй! Он сказал мне это еще там, в аудитория, когда ты получал

студенческий билет. Он сказал: «Бен, вот русский дэвушка, который я буду любить!». И я не могу – как это сказать, Саша? Стать на дорога у мой товарищ Рэй, вот. Ай, ай!!!

Конец этой прочувствованной речи получился несколько смазанным, потому что Рэй ловким приемчиком скрутил своего друга. В результате чего желто-коричневая физиономия последнего оказалась уткнутой в белую рубашку «влюбленного» примерно на уровне локтя.

– Не слушайте его, девушка... Саша!

Ее имя вышло у Рэя как-то особенно мягко и мило.

– Мне попался очень болтливый друг, так что иногда остановить его можно только таким способом. Но у Бена много хороших качеств, поэтому приходится его терпеть!

Ого, на каком литературном русском мы шпарим... Александра даже подумала о том, что кое-кому из ее бывших одноклассников ни в жизнь не высказаться так, как этот негр-первокурсник. Но от комплиментов воздержалась: страдания юного Бена требовали ее срочного вмешательства.

– Ребята, ребята, давайте жить дружно! Не надо из-за меня драться: я буду дружить с вами обоими, согласны?

– Слышал, черный бандит?! – вскричал освобожденный Бен. – Саша хочет дружить с Бен, а ты меня убиваешь за правда!

– Еще нет пока. Но обязательно убью, если не перестанешь болтать глупости. Саша сказала, что будет дружить с тобой и со мной, но для этого мы должны хорошо себя вести, по-

нятно?

Для пущей убедительности Рэй добавил в адрес приятеля несколько сердитых слов на родном наречии.

– Понятно, понятно! Разве Бен плохо себя вести? Бен порядочный парень, только веселый. Люблю шутка! Слушай, Саша, ты где жить – общежитий?

– Нет, на квартире. А что?

– Ничего. Пошли к нам в гости, общага! Сегодня праздник – первый сентябрь. Отметим, так вы говорите? Будешь смотреть, как мы жить. Музыка будем слушать, танцевать... Правда, Рэй?

И опять его друг ответил не сразу. Но по глазам африканца девушка увидела, что поступившее предложение он поддерживает целиком и полностью.

На секунду Александру охватили сомнения. Ей и в самом деле ужасно не хотелось провести свой первый студенческий вечер наедине с квартирной хозяйкой – семидесятипятилетней чопорной еврейкой, к тому же старой девой. А это единственное, что ей сегодня светит, если она не примет приглашение симпатичных парней, так неожиданно ей подвернувшихся! Вот она, «обратная сторона» ее золотой медали: весь курс за четыре вступительных экзамена перезнакомился между собой в доску и передружился, а она написала свое сочинение на «пятерку» – и фьють! Пока она еще всем чужая, никто не пригласил в свою компанию. И, как назло, ни с кем из одноклассников, поступивших в институты област-

ного центра, тоже не договорилась о встрече. Да и квартиру-то снимали с мамой наспех, чуть ли не в последний день: бабушка болела. Спасибо, через знакомых нашлась эта самая Наталья Ивановна Пинкертон, сдала недорого угол неподалеку от факультета. А то могла бы наша Саша вообще остаться без жилья!

Эти двое «черномазеньких», Рэй и Бен, понравились девушке сразу же. Хотя объяснить себе этого чувства она, конечно же, не могла. И больше того: моментальное расположение к африканским хлопчикам было неожиданно для нее самой. Ну, не то чтоб совсем неожиданно, но все же...

Перспектива учиться в университете, награжденном орденом Дружбы народов, вместе с цветными мальчиками и девочками по крайней мере с четырех континентов, никогда и не пугала ее, Сашу Александрову, воспитанную в семье, где пролетарский интернационализм был вместо иконы в красном углу.

Но так вот сразу отправиться в общежитие к незнакомым ниггерам – Господи, прости... Пожалуй, это слишком даже для такой сорвиголовы! Столько ползет всяких слухов о том, что у них там творится, в этих общагах, особенно где живут иностранцы... Еще, не дай Бог, неправильно поймут твою, Сашка, готовность дружить сразу с обоими, и придется начинать студенческую карьеру дракой с однокурсниками!

– Правда, Саша, пойдем? С нашими ребятами познакомишься. Бена заставим что-нибудь приготовить, он это здо-

рово умеет... Ты что, боишься нас?

Вопрос смутил самого Рэя еще больше, чем девушку. Парень потупил глаза.

– Не бойся, мы же однокурсники...

– Да никого я не боюсь, вот еще! Я, между прочим, сама могу кого угодно испугать, если захочу... Нет, ребята, я просто не могу сегодня, спасибо. Очень много дел: надо как следует устроиться на квартире. В другой раз!

– Жалко! – энергично тряхнул головой Бен, а Рей только печально выдохнул.

– Мне тоже жаль, но ничего не поделаешь. Мне пора, ребята.

– Мы проводим! – предложили они в один голос.

– Еще чего! Я тут рядом живу, уже почти пришла. Пока, мальчишки!

– Если придумаешь приходить в гости, Саша, – это, конечно, ее напутствовал Бен, – третий общежитий, комната сто сорок два! Где наш общага – знаешь? У Первомайский сквер!

– Знаю, знаю. Бегите же: вон ваш троллейбус подходит!

Оба друга рванули к остановке, и уже с подножки веселый Бен помахал Саше рукой. Наверное, его приятель тоже помахал бы, но Рэя бесцеремонно пропихнули внутрь салона напивавшие сзади пассажиры.

Девчонка в черном «сафари» с «конским хвостом» на голове опять осталась одна у витрины «Кулинарии», за угол

которой ей никак не удавалось завернуть. Но на сердце у нее, где и так-то еще не веяло осенью, сейчас было совсем по-весеннему. В этом большом чужом городе ее кто-то уже пригласил в гости, кто-то ее ждал и был ей рад. Пусть хотя бы из вежливости или из чувства студенческого братства – неважно. У нее, Саши Александровой, теперь есть знакомые, которым можно сказать «привет!» и «пока!», «до встречи», «в следующий раз». Для первого дня не так уж и мало, черт побери!

А зачем, собственно, заворачивать за эту самую кулинарию, если можно в нее зайти и слопать что-нибудь вкусненькое? Надо же и вправду отметить этот денек – дружище Бен подал неплохую мысль. И, скажем, парочка заварных пирожных, кофе да бутербродик с колбасой сейчас не повредили бы студенческому желудку.

Эта удачная мысль пришла Александре как раз вовремя: до обеденного перерыва в «Кулинарии» оставалось около получаса. Общепитовский ассортимент не озадачил мучительным выбором, и через несколько минут, вооруженная тарелочкой с «крупнокалиберным» винегретом и стаканом коричневатой жидкости, на котором подогревалось блюдо с двумя пирожными, девушка остановилась посреди торгового зала. Но тут она оказалась перед другим, вовсе неожиданным выбором: куда со всем этим добром пристроиться? Все пять или шесть столиков были сплошь заняты жующей публикой, преимущественно студенческой. И только сбоку, во

«втором классе», имелись свободные места – увы, стоячие.

подавив вздох – новенькие австрийские туфельки начинали показывать свой норов – Саша направилась туда. И в этот момент кто-то обратился к ней глуховатым юношеским баском:

– Тормозитесь здесь, коллега: мы тут заначили свободный стульчик. Отдельного кабинета в этой забегаловке вы все равно не найдете!

Безусловно, тощий длинный субъект в роговых очках и обвислом свитере домашней вязки сказал это ей, потому что никого другого поблизости не было. И все-таки Александра обернулась и проверила.

– Вы это мне?

– А разве могут быть еще варианты? – скептически хмыкнул парень и обернулся к своему соседу: – Двигайся, Борис, а то девушка отдавит нам с тобой ноги.

– Ради того, чтобы миледи села рядом со мной, я согласен принести эту жертву!

– Обойдешься. Вали, вали!

Тот, кого очкарик назвал Борисом – на иностранный манер, с ударением на «о», – не вставая, нехотя переместился к самой стенке. При этом он не отрывал от Александры пронзительно-насмешливого взгляда. Пригласивший ее тип проделал тот же самый маневр, в результате чего в распоряжении девушки оказался шаткий кулинарный стульчик – две фанерных пластины на металлическом каркасе. На это кол-

ченогое сооружение она опустилась с достоинством королевы, которой предложили трон.

– Спасибо. Но почему вы назвали меня коллегой? Разве мы знакомы?

Борис опередил всех.

– Пока нет. Но уверен, что долго так продолжаться не будет, эту несправедливость мы сейчас устраним. Впрочем, несправедливость сия есть как бы односторонняя, потому что вас мы знаем, прекрасная незнакомка! Вы Александра Александрова – ударение на букву «о». Замечательно вы это сказали нашему декану, я был в восторге!

– Да, не люблю, когда мою фамилию произносят неправильно. Но, кажется, никому из вас, – Саша обвела глазами всех четверых участников застолья, – никому из вас сегодня не вручали студенческие?

– Ну нет, увольте! – хохотнул сидевший напротив нее рыжий, конопатый и остроглазый. – Это счастливое событие мы пережили два года назад, слава Богу...

– А сегодня явились в универ лишь для того, чтобы похристиански порадоваться чужому несчастью, – подхватил очкарик. – Вам, коллега, с завтрашнего дня предстоит питаться исключительно гранитом наук, а нас, «дедов», ждут просторы родных картофельных полей. Хочу сказать, завтра отчаливаем в колхоз. Как видите, нам легче прожить!

– Угу. Если б только там кормили нормально, все было бы класс, – с набитым ртом добавил четвертый – флегматич-

ный крепыш, который с завидным аппетитом уничтожал лежащую перед ним горку пирожков с капустой.

Александра открыла было рот, чтобы как-то прореагировать на такое обилие одномоментно выплеснутой на нее информации, но инициативу снова перехватил Борис. Он встал с видом тамады, держа в руке вместо рога граненый стакан с кофе, и демонстративно постучал вилкой по стакану очкарика, требуя тишины и внимания.

– Итак, дамы и господа, по вашим многочисленным просьбам переходим к процедуре знакомства. Миледи! – он галантно наклонил голову в сторону девушки, тряхнув русыми вихрами. – Перед вами мужское соцветие славного третьего курса небезызвестного вам факультета журналистики. Четыре неразлучных мушкетера, закаленных в таких битвах, по сравнению с которыми осада Ла-Рошели кажется не более чем увеселительной прогулкой. Так сказать, «старая гвардия» государя нашего императора всея факультета Борислава Теофиловича Конюхова. Кстати, миледи: профессор еще не предупреждал вас, желторотых юнцов, что запрещается под страхом смертной казни через лишение стипендии обзывать его Теофилом Бориславовичем? Если нет, то я...

– Тамаду на мыло! – буркнул крепыш. – Ври по делу.

Александра была вовсе не против исполнить роль хозяйки светского салона. Прочие роли она без труда распределила между присутствующими.

– В самом деле, господин Д'Артаньян! Кажется, мне обе-

щали знакомство с господами мушкетерами, а не с мсье профессором?

– Виноват, но зачем же сразу на мыло? – обиделся Борис. – Грубо, мистер Чип! Грубо и пошло. За это я оставляю вас перед нашей дамой без имени, с одной кликухой.

– Во напугал! По мне – так хоть и без кликухи. Было бы что лопать.

– Сударь, вы лишаетесь слова до конца обеда. А если и это не поможет, я пойду на крайнюю меру: отберу последний пирожок и заставлю заплатить по счету за всю компанию.

– Держи карман шире! – насмешливо процедил «Портос», однако с последним пирожком медлить не стал: на всякий случай...

– Итак, миледи, – тамада снова обратился к даме, – только что вы имели случай познакомиться с образом мыслей и манерой выражаться неотесанного мужлана и обжоры, известного друзьям под именем Чип. Как видите, мы не пользуемся именами четырех литературных мушкетеров: это слишком старо. Тем не менее я уверен: у вас не возникнет вопроса, с каким персонажем сравнить нашего Чипа. Конечно, он не заслужил, но тем не менее открою вам еще одно имя, под которым его знают официальные круги: Толик Чипков. Справедливости ради должен признать: названный субъект обладает не одними отрицательными свойствами. Но, как только что подтвердил он сам, признание его личностных качеств не является для него самоцелью – было бы, грубо говоря, по-

жрать. А потому хватит о нем!

– Угу, – согласился непритязательный Чип, коротко кивнув Александре.

– Разумеется, сударыня, – продолжал оратор, хлебнув остывшего кофе, – у вас возникает вопрос: если имеется Чип, значит, где-то поблизости обязательно должен быть и Дейл? О, конечно же, вы правы! Вот он, наш славный Дейл – тот, кому мы обязаны вашим появлением за нашим столом.

С этими словами Борис положил свободную руку на плечо очкарика в вязаном свитере. Тот с достоинством наклонил взъерошенную голову. Все ясно: это «Атос».

– Даня Кулик, рекомендую. В просторечии этот ученый муж именуется, как вы убедились, довольно скромной фамилией. Но не советую вам, миледи, доверяться случайным ассоциациям, очень не советую! Никакой это не кулик, не зяблик и тем более не воробушек-»жидюга»...

– Фу, Борис! – поморщился Даня.

– ... Это, сударыня, настоящий, скажу я вам, орел! Ходячая энциклопедия, живой интеллект третьего курса, да и всего, не побоюсь этого слова, факультета. Плюс к тому – трудяга, за чей счет всегда можно проехаться на семинаре и во время сессии, отличный товарищ, не жмот... Да что это я, в самом деле: просто мировой мужик! Этим все сказано.

– Я искренне тронут, Борис. Особенно тем, что на моей на шее всегда можно прокатиться!

Конец его фразы потонул в веселом гоготе всей компании.

– Клянусь вам, Данечка, – пообещала Александра, – что я этим пользоваться не буду.

– Наконец, – возвысил голос самозванный тамада, – позвольте вам представить, сударыня, наше рыжее солнышко – Славика Филимонова. Или, попросту, Филю. Если мистер Чип, образно выражаясь, это, извините, брюхо нашей компании, вечно голодное и вечно свободное, если мистер Дейл – ее мозг, то Филя – это, безусловно, ее вечно живая душа. Ее юмор, оптимизм и «перпетуум мобиле» – вечный двигатель...

– «Королева в восхищении», – перебила девушка, слегка уставшая от этого фонтанирующего красноречия. – Ну, а какую же роль вы отводите себе, Борис? Кто здесь вы? Сдается мне – вечно неумолкающий язык!

Первым раскатисто заржал Чип, за ним закатился Славик Филимонов. Их с неожиданным задором поддержал очкарик Даня.

– Кто я?! О, миледи, это вопрос вопросов...

– ... И я с удовольствием дал бы вам на него ответ ответов, да боюсь, что при дамах не годится поминать вслух подобные части тела! – со смехом влез «Арамис». – Извини, Боряня, но ты сам предложил анатомическую символику, а я только продолжаю образ!

Напрасно тамада, который отнюдь не выглядел смущенным, стучал по стакану: прошло, должно быть, несколько минут, прежде чем страсти немного улеглись.

– Хочу вас предупредить, сударыня, что каждый понимает сказанное в меру своей испорченности. Мой остроумный друг, должно быть, имел в виду легкие, снабжающие весь организм живительным кислородом. Или печень, которая обновляет и очищает кровь, выводит вредные шлаки. Или, может быть, глаза, которые все видят, все замечают и предупреждают нас об опасности... Одним словом, Сашенька, ваш покорный слуга в этой маленькой компании – это одновременно ее мозг, душа и все жизненно важные органы вместе взятые. Ее интеллект, ум...

– ... честь и совесть, – в тон ему подсказал Чип.

– Не вижу повода для жеребячьего ржания. Именно так: ум, честь и совесть нашего курса – просьба не путать с нашей эпохой! Впрочем, дамы и господа, все сказанное можно заменить тремя словами: Жемчужников, Борис Феликсович.

Его светлые вихры упали на грудь в манерном поклоне, который оратор отвесил Александре.

– Он кончил! – тоном судебного адвоката возвестил Филя.

– А я – еще нет, – буркнул себе под нос Чип.

Новый приступ непристойного веселья «господ мушкетеров» потонул в капитанском окрике кулинарной служительницы.

– Эй, молодежь! У нас обед. Свое заседание закончите на улице.

– Мадам! – Тамада послал за прилавок улыбку, вполне соответствовавшую его «блестящей» фамилии. – Что такое

просто обед по сравнению с радостью дружеского общения?! Вы знаете, что сказал по этому поводу Омар Хайям? Он сказал...

– Не знаю, что он там тебе сказал, а мне сейчас сказала заведующая, что пора закрываться! Так что давайте-ка, очищайте помещение. И посуду за собой приберите. Ишь ты: омар ему сказал... Может, еще скажешь – устрица?!

Крашенная под серебристого пуделя «мадам» никак не могла успокоиться. Почему-то упоминание древнего классика, которого она спутала с представителем ракообразных, затронуло ее за живое. Вся компания тихо давилась от смеха. Пройгнорировав торчащую между ними нескладную фигуру Дани Кулика, Борис максимально приблизился к уху Александры:

– Внимание! Сейчас она скажет: «Больно умные все стали!». Спорим?

Поспорить они не успели.

– ... Больно ты умный, я смотрю! – долетело из-за стойки.

Прыснув, Славик протянул другу руку.

– Поздравляю, старик! Тебе отдано предпочтение.

Видя, что это может продолжаться до бесконечности, Александра поднялась первая.

– И правда, ребята, идемте. Неудобно...

– Оставьте, миледи! – Жемчужников почти силой вырвал у нее из рук посуду, едва не задавив при этом Дейла. – В этой компании, как ни странно, есть еще настоящие мушкетеры.

Хотя, глядя на Чипа, этого ни за что не скажешь. Позвольте за вами поухаживать!

Картинным жестом уже не Д'Артаньяна, но Остапа Бендера он забросил на плечо спортивную сумку.

– Идемте, господа. Мы чужие на этом празднике жизни. Прощайте, мадам Грицацуева! – И Борис, послав продавщице воздушный поцелуй, с достоинством двинулся к выходу.

Едва компания оказалась на улице, как все четыре мушкетера, а за ними и «миледи» дружно расхохотались. Чип сформулировал за всех – правда, несколько туманно.

– Ну, ты даешь, Трепач!

– «Трепач» – это ваше хобби, Борис? – уточнила девушка.

– Это его кликуха! – беззлобно резюмировал Чипков. – А то он все другим их лепит, грамотей.

– Вот видите, Саша, с каким сырым материалом приходится работать нам, будущим инженерам человеческих душ! – Жемчужников с тяжелым вздохом подвижника дернул шеей куда-то назад.

– Во куда хватил! Сразу в писатели – не слабо...

– Ну, мне сюда, – Александра остановилась у своего угла. – Спасибо за компанию, господа мушкетеры, было приятно...

– Какое совпадение: мне тоже сюда!

Тот, кто был к ней ближе всех, смотрел на нее насмешливыми серыми глазами. Только теперь Саша по-настоящему разглядела, что глаза у Бориса большие, чуть раскосые и

темно-серые – с таким холодноватым, «стальным» отливом. Но сейчас они блестели вовсе не холодно, а как-то совсем иначе...

Во второй раз за последний час Александре стало неуютно под мужским взглядом. Но теперь – гораздо сильнее, чем когда на нее смотрел Рэй.

– Как, Борис, разве ты не с нами? Мы же хотели...

– Извини, Дейл. Разве я не говорил, что мне надо заскочить к одному парню из спортклуба? Он как раз вот тут живет, в этом переулочке.

– Не-ет, не говорил... А ты надолго? Может, мы тебя подождем?

– Боюсь, мы его не дождемся, старик. – Славик Филимонов опустил руку на плечо непонятливого очкарика. – Боряня мне сказал, он тут задержится. Ты не слышал. Так что сваливаем, дружище Дейл, нам с тобой еще в колхоз собираться.

Александра не могла видеть его многозначительный взгляд и ухмылку, адресованные другу «Боряне». Как не могла она заметить и увесистый кулак Чипа – по тому же адресу.

– Чешите, господа, чешите. А я немножко провожу нашу Сашу, раз уж случилась такая оказия.

– Значит, до вечера, Борис? – неуверенно крикнул им вслед Даня.

Но Жемчужников ничего не ответил – лишь дал троице

приятелей энергичную и красноречивую отмашку.

– С чего это вы взяли, что я «ваша Саша»? – спросила девушка, когда они остались вдвоем.

– А что тут такого? Я же не сказал «моя Саша», я сказал – «наша». – Борис наивно хлопал длинными ресницами. – Мы же теперь, как совершенно справедливо заметил дружище Дейл, коллеги. Значит, в известном смысле вы «наша», то есть одна из нас. Но если вам это неприятно, тогда, конечно...

– Нет, отчего же? Вы меня убедили, Борис.

– Рад слышать. Убеждать – мой особый талант, Шурик. Надеюсь, у тебя будет еще много случаев в этом убедиться – извини за тавтологию.

«У тебя», «Шурик»?.. Александра взглянула на своего спутника, приподняв брови. Но тот смотрел прямо вперед и не собирался объяснять свою неожиданную фамильярность.

– Разве мы уже перешли на «ты»?

– Я – да, а ты – не знаю. Но советую сделать то же самое: согласись, между нашим братом студентом довольно странно «выкать» друг другу. Убедил?

Он засмеялся, а за ним – Александра. У нее вдруг появилось чувство, что она знакома с этим парнем много-много лет – может быть, с самого детства.

– Ты прав: у тебя и в самом деле талант убеждать! Но там, в кафе, мне показалось, что ты... Как бы это сказать? Человек

другого стиля, понимаешь? Любишь все эти церемонии. Эти твои застольные речи, «миледи» и все такое прочее...

– Ах, это! Ну что ты: обычный спектакль. Так сказать, показательные выступления.

Девушка взглянула на него с удивлением.

– Но зачем? Для кого? Для Чипа с Дейлом, что ли?

Неожиданно Борис оказался впереди нее, так что Саша была вынуждена остановиться. Высоким ростом ее новый знакомый не отличался, и все же девчонке почему-то казалось, что он смотрит на нее свысока. На его тонких, но выразительно очерченных губах застыла какая-то удивленная усмешка.

– Ты это серьезно?

– Что – серьезно? – не поняла она.

– Спрашиваешь – для кого? Извини, но ты либо прикидываешься дурочкой, либо... Либо ты – странная девчонка, Шурка. Очень-очень странная!

Тут Александра с ужасом почувствовала, что заливается густой краской – от самых корней волос до отложного воротничка «сафари». Идиотская способность! Отвратительнее всего при этом выглядят уши: они становятся просто багровыми, как нос какого-нибудь алкаша. Но еще ужаснее раскаленных ушей было то, что этот нахальный тип продолжал пялиться на нее, нисколько не стесняясь. Из этой предвещающей ситуации мог быть только один выход: Саша страшно разозлилась. Разозлилась она, конечно, на себя, но сорвать

злость могла лишь на своем спутнике.

– Не смей называть меня Шуркой! Терпеть не могу!

Но Борис только рассмеялся, чем обескуражил ее еще больше.

– Я же сказал, что ты странная девчонка, Шурка! – Он предпринял возмутительную попытку дотронуться до ее чуть вздернутого носика, но девушка гневно дернула головой. – Все равно буду тебя так называть. Мне нравится!

– Ах, так?! Значит, ты меня вообще никак называть не будешь, ясно? Зачем ты за мной увязался, кто тебя просил?! Топай к своему дружку и оставь меня в покое! И вообще, я уже пришла, вот мой дом. Чао!

Она крутанулась на австрийских каблучках, взмахнув «конским хвостом», но Борис удержал ее за тонкий ремешок сумочки, висящей на плече. Опасения за польскую кожаную сумочку остановили Александру. Меча молнии зелеными глазами, она обернулась.

– Пусти!

– И не подумаю. Если хочешь, можешь сбросить сумочку, как ящерица хвостик, и бежать. Ну, а я как следует покопаюсь в ней – чутье мне подсказывает, что найду много интересного. Соберу досье и стану тебя шантажировать. Так что, как видишь, конец все равно один: тебе придется иметь со мной дело!

Он говорил абсолютно серьезно, так что Александра почти готова была поверить во всю эту ахинею. Но в глубине

темно-серых глаз плясали озорные смешинки.

– Ты ненормальный?

– Возможно. Но в этом виновата ты сама: заставляешь идти на крайние меры.

– Борис, я позову милиционера!

– Твое гражданское право. Зови! Только вряд ли он тебя услышит: смотри, в пределах квартала – ни одной живой души. Это довольно тихая улица. А если кто-то и услышит, то подумает: милые бранятся – только тешатся. Учти, что мы с тобой похожи на самых обычных влюбленных. Если только про влюбленных можно так сказать: «самые обычные»...

– Вот еще, ха!

Наглый, самоуверенный, возмутительный тип! Смеется в лицо и даже не пытается это скрыть! До сих пор еще никто не позволял себе такое с ней, Сашей Александровой. Вернее, сама она никому такого не позволяла. Почему же она не пошлет этого «Боряню» ко всем чертям?

Приблизившись почти вплотную, Жемчужников отпустил сумку, но вместо этого пленил девушку иначе: просто оперся руками о толстый ствол по обе стороны от ее плеч. Теперь нырять ему под руку было бы и вовсе ребячеством.

Впрочем, Александра уже и думать забыла о побеге. Теперь она и сама не знала, о чем думает: ее мысли метались беспорядочно, как молекулы в вечном броуновском движении. Глаза Бориса оказались совсем-совсем близко. И то, что пятнадцать минут назад впервые смутило девчонку в его

взгляде, теперь хлестало из этих глаз через край, прожигая ее до самого сердца. Да что же это с ней сегодня творится, Господи?!

– Кажется, я снова тебя убедил? Это замечательно, Шурка!

– Ты ужасный тип! Что тебе от меня надо?

Не отрываясь от дерева, парень расхохотался, и Саша заметила, что у него красивые ровные зубы. Вообще, она почти ежеминутно подмечала в нем что-то новое – конечно же, только хорошее и красивое...

– Ты действительно странная девчонка. Самая лучшая странная девчонка, которую я встречал!

Это было сказано уже без тени улыбки – так серьезно, что Александра даже испугалась.

– Скажите, какая проницательность! Еще и часу не прошло, как меня увидел, а уже все про меня понял: и то, что я странная, и даже то, что самая лучшая из странных. Поэтому, ты хватил лишку.

Полностью проигнорировав ее «шпильку», Борис серьезно посмотрел на часы.

– Ну, положим, час-то уже прошел. Ты же минут пятнадцать болтала с этими черномазыми под окошком нашей забегаловки. А это не такой уж малый срок, чтоб разобраться – для человека с моим жизненным опытом.

– Ха-ха-ха! Скажите, пожалуйста, с его жизненным опытом... Тоже мне, граф Монте-Кристо! Всего-то и делов, что

на два курса старше... И никакие они не «черномазые», а очень даже симпатичные ребята. Кстати, мои однокурсники.

– Ну конечно, очень симпатичные! И, разумеется, все хорошие ребята. Им трудно, они же приехали учиться в чужую страну – куда их, кстати, никто не звал. Им надо помогать. Знаем, знаем! Студенческое братство, дружба народов и все такое прочее... Только потом у наших девчонок от этой дружбы почему-то черненькие детишки появляются!

– Да как ты... – Саша даже задохнулась от возмущения. – Ты на что это намекаешь? Ты что себе позволяешь?!

– Ну, успокойся, успокойся. – И тон, и улыбка уже были совсем другими. – Ни на что я не намекаю, я просто предупреждаю, по-дружески... А тебе идет, когда ты злишься, Шурка!

– Ах, вот как? Теперь я понимаю, почему ты все время стараешься меня разозлить! И вообще, кто ты такой, чтобы меня «по-дружески» предупреждать?!

– А ты еще не поняла?

Ах, как он это сказал... Руки Бориса словно невзначай подвинулись и легли на плечи девушке. Даже не легли – едва прикоснулись, но Саше моментально стало так жарко, словно она одним махом выпила огромную бабушкину чашку горячего чая.

– Я говорю по-дружески, потому что хочу стать твоим другом, Шурка Александрова! Очень хочу... Нет, это ж надо, если б еще сегодня утром кто-то сказал мне, что я буду гово-

ритель такие вещи почти незнакомой девчонке, я бы подумал, что он рехнулся. Честное пионерское! А теперь мне кажется, я сам рехнусь, если не смогу каждый день тебя видеть, говорить с тобой... Может быть, я послан тебе судьбой, а? Может, в этом мое настоящее предназначение – защищать тебя, оберегать и поддерживать! Стать твоим ангелом-хранителем...

Собрав последние силы, девушка стряхнула с себя его чары. Вернее, сделала вид, что стряхнула.

– А ну-ка, убери свои крылышки, «ангелочек»! Если ты действительно собираешься меня поддерживать, то не надо понимать свои функции так буквально. Я вовсе не собираюсь падать.

– Извини, я и не заметил.

Борис ликвидировал точки соприкосновения с Александрой (но не с деревом!) и, виновато улыбнувшись, продолжал развивать тему.

– Я это понял сразу же, как только увидел тебя в универе. Александра Александрова, ударение на букву «о»... Черт возьми! Какая музыка в этом имени, какая сила! И не только в имени...

Тут он скользнул по ней глазами сверху вниз и обратно, и Саша снова почувствовала, как вспыхнули ее уши.

– Я бы пришвартовался к тебе прямо там, не отходя от кассы, но подумал, что это будет слишком. Даже для такого, как ты говоришь, ужасного типа! Да и мужики мешали. Решил, что можно подождать со знакомством, пока вернемся

из колхоза – никуда ты не денешься. А тут сидим в «Кулинарии», и вдруг вижу – ты танцуешь за окошком... Опять ты, понимаешь? Кстати...

Борька смешно наморщил кончик носа.

– Можно полюбопытствовать, что ты там подняла с асфальта? Листок, что ли? Зачем?

– Просто... Тебе-то что?

– Да нет, я так спросил. Засуши его на память о нашей встрече, ладно? Когда-нибудь через много лет, когда мы станем совсем другими, будет что вспомнить... Да, так вот, сижу я, гляжу на тебя, и тут подваливают эти две «шоколадки». Ты стала с ними болтать. Прямо напротив меня... Ну, думаю, Борька, это фортуна подает тебе знак: действуй!

Стараясь не смотреть в блестящие серые глаза, Саша слушала его слегка хриловатый вкрадчивый голос. И не могла избавиться от чувства, что все это происходит не с ней, что она – только сторонний наблюдатель. Раз сто, а может, и больше она пыталась представить себе, как кто-нибудь когда-нибудь будет говорить ей подобные вещи, – и не могла. Не могла придумать слов, которые ей хотелось бы услышать, не могла увидеть лица того парня, который захочет сказать их ей. И уж конечно не могла подумать, что все это свалится на нее так вот вдруг, когда меньше всего ожидала...

Впрочем, это еще не объяснение в любви, Шурка... тьфу ты, Сашка! Нет, нет... Ну, а что же это тогда, черт побери?!

– Рассказывай... Что, если бы я не зашла сама в «Кулина-

рию» – ты побежал бы за мной? Правильно Чип сказал: трепач ты и есть.

– Нет, неправильно! Чип – тяжелое наследие моего недавнего прошлого, не надо сейчас о нем. Может, и побежал бы, не знаю. Только ты не могла не зайти туда.

– Вот еще! Почему это?

– Потому что я этого хотел!

– Ты что – экстрасенс?

– Конечно. Разве ты не чувствуешь, как я постепенно подчиняю себе твою волю?

– Нисколько, – соврала Александра. – Я совсем и не собиралась заходить в эту паршивую забегаловку...

– Но это только подтверждает, что затащили тебя туда мои импульсы, глупенькая!

– Значит, – девушка смотрела в плечо собеседнику, – никакого приятеля на этой улице у тебя нет?

– Ты на редкость догадлива! – усмехнулся Жемчужников. – Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

– Послушай, Борис...

Вконец выбитая из колеи, Александра постаралась вложить в свой голос все усталое равнодушие, на какое была способна.

– Чего ты, собственно, добиваешься? Если хотел меня разозлить – считай, что у тебя получилось. Но только это довольно оригинальный способ стать моим другом, ты не находишь? Если других у тебя нет, может, давай лучше оста-

немся врагами, а?

Он снова рассмеялся, потряхнув русыми вихрами.

– Хорошо сказано! Но неверно по сути. Это ты сама разозлилась, без моей помощи. Я мог бы даже назвать тебе причину, но не стану – не то ты разозлишься еще больше. Хотя, если честно, злить тебя приятно: я уже сказал, тебе это к лицу.

– Значит, назло тебе больше не буду злиться!

В уголках Сашиных губ появилась улыбка – впервые с момента их ссоры. Она и вправду больше не чувствовала злости: почему-то не получалось долго сердиться на этого ужасного типа. Надо же такое сказать: «злить тебя приятно». В шутку сказал, конечно, но все же... Да ведь у него и не поймешь, где шутка, а где серьез!

– Так какая же причина? Скажи, сделай милость.

– Причина? Да потому, что я тебе тоже сразу понравился, и вот это-то тебе совсем не понравилось!

Это было то самое, чего ожидала Саша, поэтому она успела морально подготовиться и не покраснела.

– Скверно, господин поручик. «Масло масляное»! Понравился, поэтому не понравилось... А еще будущий инженер человеческих душ!

– Не «масло масляное», а каламбур, миледи. Это вещи разные, о чем вы, надеюсь, узнаете в свое время – на лекциях по современному русскому. А ты тоже не увиливай, отвечай по существу. Скажешь, я не прав?

– Ну почему же! – Девчонка пожала плечами все с тем же фальшивым равнодушием, в котором только слепой не разглядел бы девяносто девяти процентов кокетства. – Прав, но только отчасти. Ты действительно симпатичный парень, и язык у тебя подвешен – словом, умеешь собой заинтересовать. Только не обольщайся, Боренька: мне многие нравятся на таком «шапошном» уровне!

И что это она сегодня врет не переставая? Плохой симптом...

– Ладно, – неожиданно легко согласился Борис. – Не скрою, это жестокий удар по моему самолюбию. Но у меня все же есть надежда со временем стать единственным из многих...

Александра не поняла, что это было – вопрос или утверждение. Поэтому, дабы в очередной раз не сесть в галошу, решила спастись бегством и заявила, что ей пора.

– Мама ждет? – ухмыльнулся Жемчужников.

– Ждет, но только в Звенигорске: я оттуда родом. А в этом доме снимаю квартиру.

Парень присвистнул.

– Вот оно что! А я почему-то подумал, что ты живешь с родителями... Так это же классная новость, Шурик! – довольно неожиданно закончил он, глядя на нее весело и нахально.

– Это еще почему?

Однако Борис, проигнорировав вопрос, деловито поинте-

ресовался:

– А как квартирная хозяйка? С пониманием к проблемам молодежи?

– Не знаю, что ты имеешь в виду, но, по-моему, без малейшего. Одинокая старушка, семьдесят пять лет. Зовут Наталья Ивановна Пинкертон. Вчера угощала меня макаронами с яблочным повидлом, можешь себе такое представить?

– Тяжелый случай. А впрочем, это, должно быть, не самое худшее. Посидишь без стипендии – еще не то слопаешь, особенно на халяву.

– Да я вообще-то не собираюсь без нее сидеть. А тебе что – часто приходится?

– Да нет, – Жемчужников самодовольно пожал плечами. – Мы, конечно, золотых медалей не получали, но краснеть за меня дорогим наставникам не приходится. И старосте Дадне Кулику – тоже. Только стипендия, Шурик, имеет поганое свойство кончаться гораздо раньше следующего финансового вливания, учти это. Поэтому приходится принимать меры.

– Ты имеешь в виду – работать?

– Извините, коллега, но в этом вопросе сквозит вся ваша профессиональная и человеческая неопытность! «Принимать меры» – вовсе не означает «работать». Великий Комбинатор, как вам, разумеется, известно, знал четыреста способов перераспределения доходов. Ваш покорный слуга полагает, что и это далеко не предел. Кстати! Как старший коллега вообще и твой ангел-хранитель в частности, могу прямо

сейчас поделиться одним из главных студенческих методов отъема материальных благ у ближнего. Интересуешься?

– Разве что в плане общеобразовательном. Вряд ли он мне подойдет.

– Как знать! Способ называется – сесть на хвост приятелю, у которого в настоящий момент водятся деньги. Или хотя бы харчи – это если ты совсем уж оскудел.

Александра рассмеялась.

– Спасибо, я буду иметь в виду. Но сейчас эта проблема еще не достигла пика актуальности. У меня есть рублей тридцать, а стипендия, говорят, будет числа пятнадцатого, так что... Постой-ка! – вдруг перебила она сама себя. – Может быть, тебе нужны деньги?

Борис пригвоздил девушку к дереву снисходительно-насмешливым взглядом.

– Благодарю, коллега. Это очень великодушно – предлагать займы человеку, которого впервые видишь. Только я у женщин принципиально не занимаю. Тем более у тех, которые меня интересуют.

И опять девушка не без досады увидела себя в зеркале его глаз маленькой и глупенькой...

– Нет, я имел в виду прямо противоположное, миледи. Борька Жемчужников сейчас богат, как настоящий стройотрядовский волк по окончании сезона охоты за деньгами. И он имеет возможность достойно отпраздновать первое сентября с одной ужасно непонятливой, но все-таки чертовски

симпатичной первокурсницей. И вот пожалуйста: не успел он и рта раскрыть, как ты его тут же «опустила»!

В самом деле: что-то, Саша, до тебя сегодня доходит, как до жирафа! И вот опять растерялась, стоишь дура душой... Вместо того чтобы ответить этому самоуверенному типу что-нибудь этакое, надменно-остроумное, – глупо хлопашь ресницами и молчишь, будто язык к небу прилип!

– Я жду ответа, Шурик! – Борис улыбался.

Они договорились, что он будет ждать ее на этом самом месте в шесть часов. Удивленная, что Борис не спрашивает номер пинкертоновской квартиры, Александра поинтересовалась: что он будет делать, если она вероломно не выйдет на свидание?

– Что за вопрос? Пройду по всем квартирам, конечно. Их тут, – он окинул оценивающим взглядом пятиэтажный «сталинский» дом, – всего-то, может, сотня. Если ты думаешь, что от меня можно отделаться таким примитивным способом, то ты во мне сильно ошибаешься, Шурик!

Нет, она так не думала. В глубине своей смятенной души Саша уже знала, что от этого сероглазого «экстрасенса» ей не отделаться вовсе. Хранитель он ей или губитель, но его, словно призрак капитализма у Маяковского, «ни объехать, ни обойти, единственный выход – взорвать»...

Взбираясь к себе на пятый этаж, Александра сообразила, что действительно ничего не знает об этом парне, кроме имени и фамилии, разумеется. Сообразила – и тут же улыбну-

лась своим мыслям. Для человека, которого зовут Борис Феликсович Жемчужников, этого вполне достаточно.

Студенческая жизнь подхватила вчерашнюю «золотую» медалистку и завертела в водовороте людей и событий – словно тот самый листок тополя, который Саша первого сентября вырвала из цепких лап ветра и засушила в своем блокноте. Однокурсники и преподаватели, лекции и семинары, жизнь большого города и неповторимый колорит интернациональной общаги, в которой Александра быстро стала своим человеком, – все это так захватило девчонку из Звенигорска, что у нее просто не оставалось времени скучать по своему маленькому городку и навсегда покинутому образу жизни. Хотя Саша наезжала к маме и бабушке почти каждую неделю – всего-то сотня километров! – дома ее теперь все называли «столичной жительницей». И это была сушая правда: на уме у нее была сейчас только столица губернии.

Журналисты-новобранцы быстро «простили» Александре ее медаль, и отношения с курсом сложились как-то сразу и легко. В особенности же – с его «иностранным легионом». Негры, арабы, афганцы и «латинос» почему-то с первых дней сгруппировались вокруг Саши и двух ее новых подружек, Маринки и Наташки. Может быть, потому, что эта троица, хорошо дополняя друг друга, представляла собой для иностранцев некий совокупный идеал русской девушки?..

Фигуристую красотку Марину Мелешкину, которой уже

стукнуло двадцать, вообще не пропускал ни один мужик, независимо от возраста, социального статуса и цвета кожи. Она же была созданием не столько ветреным, сколько паталогически не умеющим выживать без постоянного мужского внимания, но при этом – добрейшим и дружелюбнейшим. С момента своего появления на рабфаке в прошлом году она стала объектом самых ужасных сплетен, из которых девяносто девять и девять десятых процента при ближайшем рассмотрении оказывались туфтой. Именно Маринка была первой, кто заговорил с «легендарной Александровой», которую все знали до сих пор только по спискам поступивших абитуриентов. А на другой день они уже болтали как старые подруги и строили совместные планы.

Наташа Бодровская, бледная круглолицая северянка из Архангельска, ужасно близорукая и ужасно застенчивая, была полной противоположностью Мелешкиной, способной пробудить жизнь даже в трупe. Вчерашняя школьница, как и Александра, она бредила кинематографом, собирала в альбомчик фотографии зарубежных актеров и лирику современных поэтов и мечтала о своем идеале мужчины. Пока же идеала не просматривалось на горизонте – впрочем, как и мужчины вообще. Но Наташа не теряла надежды, а пока оставалась надежной подругой (в том смысле, что даже при всем желании бедняжке было бы не под силу «чужого парня увести»), умной собеседницей и отличным товарищем, всегда готовым бескорыстно позаниматься с однокурсниками,

для которых «елька» и «вилька» – суть одно и то же.

Что касается самой Саши Александровой, то она была как бы «средним арифметическим» двух своих подружек, «мостиком» между двумя полюсами. И внешне, и внутренне она сочетала в себе наиболее яркие качества, присущие обеим девчонкам и помноженных на ее собственную личность. В ней были и Маринкина привлекательность, и Наташина начитанность и романтичность, и доброта, отличающая их обеих. И ее собственные, «александровские» прямота, решительность и сила духа.

Никому – даже Маринке Мелешкиной – Александра не рассказала о знакомстве с Борисом. И тем более – о том впечатлении, которое произвел на нее этот парень. Ей казалось: если об их неожиданном сближении никто не будет знать, то у нее еще остается шанс предотвратить грядущее бурное вторжение Жемчужникова в ее жизнь.

Но на самом деле то, чего она боялась, уже произошло. Сердце Саши, еще только открывая в себе способность учащенно биться от взглядов Рэя, песен Даниэля, шуточек Вити Морозова, румяного бородача-рабфаковца, от знаков внимания многих других парней, – ее сердце было тут же безжалостно похищено человеком, которого, казалось, нимало не интересовали ни методы, ни последствия этой операции. Человеком, который был настолько в себе уверен, что даже не считал необходимым сражаться за сердце девушки с другими претендентами. Он просто выбрал его – и отложил для се-

бя, как откладывают понравившуюся вещь в магазине, чтобы после вернуться с деньгами и оформить покупку.

Не раз, не два, конечно, Саша прокручивала в памяти тот их единственный первосентябрьский вечер. Вспоминала слова, взгляды, жесты, улыбки и полунамеки, так и сяк раскладывала из всего этого свой собственный «пасьянс»: что может значить то и что – это?.. Борис был неотразим – с первой минуты свидания и до последней. Или, по крайней мере, отчаянно старался быть таким. Но почему-то, при всем том, что он по-прежнему казался Александре старым знакомым, при том, что он все больше интересовал ее и притягивал, девчонку весь вечер не покидало какое-то странное, смутное чувство тревоги. Словно она находилась в зоне законсервированного ядерного реактора, такого «второго Чернобыля», и знала, что в любой миг губительная энергия может прорвать защитный саркофаг к чертовой матери, и тогда...

Ох, уж эта первая минута! Особенно часто вспоминалось Александре, как она, расфуфыренная, величаво выплыла из арки своего дома и... никого не увидела! «Ангел-хранитель» спрятался за толстым стволом старого тополя, да так профессионально, что даже обойдя кругом гиганта, девушка ничего не заметила и не услышала ни шороха. Она уже готова была разреветься от злости и обиды, но тут на глаза ей легли сильные ладони.

– Вы не меня потеряли, миледи?

Саша порывисто обернулась, готовая нарушить собствен-

ные традиции взаимоотношений с сильным полом и выцарапать нахалу его бесстыжие серые зенки. И... не сразу узнала Жемчужникова. Куда девался вихрастый паренек в потертой джинсовке, порой смахивавший на подростка? Борис как будто бы даже стал выше ростом, и уж конечно – старше. Его пышные светлые волосы теперь лежали красивыми блестящими волнами. Серые летние брюки – под цвет глаз, черный жилет – «пара» к начищенным до блеска башмакам, и безупречно белая свободная рубаша с расстегнутым воротом, которая так соблазнительно подчеркивала смуглую обветренную кожу «стройотрядовского волка»...

Не отрывая от ее лица «бесстыжих зенок», Борис со вкусом поцеловал пальчики Александры, которые минуту назад были готовы попортить его мужское великолепие.

– Привет, Шурик! Здорово я тебя наколол, а? Ну, прости, прости! Выглядишь потрясно. Впрочем, я тоже соответствую, правда? – Самодовольно ухмыльнувшись, Жемчужников крутанулся на каблуках, демонстрируя себя. – Итак, какие будут предложения у миледи по поводу дальнейшей программы? Что до меня, то я за максимум.

От «максимума» – то есть от ресторана – Саша отказалась наотрез, и Борис не стал настаивать.

– Ладно, – сказал он, – мы поступим проще: я подарю тебе этот город. Надеюсь, до сих пор никто еще не делал миледи такого королевского подарка?

Разумеется, это предложение не отличалось оригинально-

стью, но Александре оно понравилось.

– А разве этот город твой, чтобы его дарить?

– Еще бы! Здесь я родился и живу уже двадцать шестой год. Мой дом в двадцати минутах ходьбы отсюда, на улице Комиссаржевской.

– Врешь!

– Что ты имеешь в виду? Что живу так близко или что я такой старый? И то и другое – истинная правда. Могу даже паспорт показать, хотя ты и не милиционер.

– Нужен мне твой паспорт... Я с тобой регистрироваться не собираюсь. Просто я думала, что ты не из Воронска и живешь в общежитии. Даже не знаю, почему.

– Зато я знаю. Все так думают, потому что я независимый и самостоятельный.

– И ужасно хвастливый – скулы набок воротит!

– Это вовсе не похвальба, коллега, а простая констатация факта. И вообще: нам ли, журналистам, не знать, что первое впечатление очень часто обманчиво... Не будем далеко ходить за иллюстрациями. Что ты скажешь, к примеру, о социальном статусе нашего друга Дейла?

– Дани Кулика? Ну, по-моему, тут все просто. Вот уж он точно живет с родителями где-нибудь на Комиссаржевской или Плехановской. Типичный профессорский сынок, этакий потомственный интеллигент...

Конец ее убежденной речи потонул в веселом смехе Бориса.

– Вот тебе и доказательства, Шурик! Попала пальцем в небо. Дейл – единственный из нас четверых, который приехал сюда учиться из глубинки. Из глухого-глухого села в Липецкой области. Насчет его папы, которому ты щедро присвоила профессорский чин, вообще ничего не известно: говорить об этом не положено, табу! Я думаю, его никогда и не существовало – в качестве отца, я имею в виду. Единственное, что ты более-менее угадала, это насчет наследственной интеллигентности: его мать тридцать лет проработала сельским библиотекарем. Библиотека там у них хорошая, Данька из нее не вылезал, вот и стал шибко грамотным... А профессорский сынок в нашей компании все-таки есть: между прочим, это Филя. Его отец заведует кафедрой в политехе. Хотя, между нами, этому типу больше подошло бы родиться от циркового клоуна и дрессировщицы собачек!

– Однако! Лихо же вы, коллега, клеите ярлыки своим друзьям. А кто твои родители, «самостоятельный и независимый» Боря Жемчужников?

Лишь только Саша произнесла это, тут же поняла, что сказала что-то не то. От веселости ее спутника не осталось и следа. С минуту Борис смотрел куда-то вбок, прищурившись. Потом сказал хрипло:

– Мама умерла, когда мне было десять. Отец – четыре года назад. Разбился на машине. Так что я сирота, Шурик! Выгодный жених: некому будет пилить невестку. А ты говоришь, что не собираешься со мной регистрироваться, глупенькая!

Девчонка поймала его руку.

– Прости, я и подумать не могла... Прости, Боря!

– Брось, все нормально! – Он взглянул на подружку и улыбнулся, а сильная рука с готовностью сжала пальцы Александры. – Я уже давно не маленький мальчик.

– Значит, ты теперь живешь один?

В глазах Бориса неожиданно появились какие-то совсем новые огоньки, а его усмешка испугала Сашу.

– Если б... Вот тогда бы я и в самом деле был выгодным женихом. Но мой папочка – царство ему небесное! – в свое время был так добр, что подарил мне мачеху. Ее-то он и оставил мне в наследство. С ней мы теперь делим наши тридцать восемь квадратных метров. И общую пламенную цель жизни: поскорее сжить друг друга со света... Шучу, шучу! Но доля правды в этой шутке есть. Теперь ты понимаешь, почему я вряд ли скоро смогу пригласить тебя к себе? Ольга Геннадьевна готова запустить свой ядовитый зуб в любого моего гостя, а особенно – в гостю. В каждой девушке, переступающей порог нашей берлоги, она видит потенциальную претендентку на ее жилплощадь.

Александра переваривала информацию.

– Вот так дела... А она старая, твоя мачеха?

– Что ты, как можно! Старость и Ольга Геннадьевна – вещи несовместные. Извини, давай сменим тему! – довольно резко оборвал сам себя Борис.

Тему сменили, и очень скоро оба забыли о недавно воз-

никшей неловкости. Потом до позднего вечера, взявшись за руки, они бродили по Воронску, и Саша чувствовала, как этот город, еще сегодня утром равнодушный и посторонний, словно случайный прохожий на улице, становится знакомым и родным, как добрый друг, который спешит к тебе навстречу с открытой душой. Гуляли по набережной Воронского моря, бросая жирным чайкам специально по такому случаю растерзанный батон. Сидели под зонтиками уличных кафешек, где съели шашлык, какие-то салаты и несметное количество мороженого, и даже «раздавили» бутылочку сухого вина. От вина у Александры закружилась голова, и это было совсем странно: к «культурному винопитию» она приобщилась довольно давно, и бокал-другой «сухарика», да еще под хорошую закуску, никогда не был для нее проблемой.

Еще они шатались по улицам, то теряясь в пестрой шумной толпе, то вдруг оказываясь наедине друг с другом в каком-нибудь крошечном проулке. Заходили в парки и скверы, в которых в этом городе не было недостатка, сидели на лавочках, глазели на фонтаны, даже забрели в какую-то церквушку, где шла служба...

О себе Борис говорил мало и как бы нехотя. Впрочем, те сведения из его биографии, которые Александре уже были известны, вполне объясняли его нежелание распространяться на эту тему. Да, непросто складывалась судьба у парня...

После восьмого класса, несмотря на протесты отца – ин-

женера, занимавшего довольно высокий пост на одном крупном заводе, – Борис пошел в училище на автомеханика. Выучился, а там вскоре подоспела военкоматовская повестка. После дембеля пару лет действительно зашибал, по его словам, неплохую деньгу в автосервисе. Но «гуманитарная» закваска в нем еще бродила, и полудетская мечта – журналистика – манила все так же сильно. Борис пописывал в многотиражки и областную молодежную газету «Коммунар», его охотно печатали, хвалили, советовали учиться.

И когда погиб отец – он разбился на собственном «жигуленке», возвращаясь с дачи, – парень решил: больше не надо никому ничего доказывать. Засел за учебники и в ту же зиму без особого труда поступил на рабфак. А в июле восемьдесят седьмого, после экзаменов, уже был зачислен на первый курс факультета журналистики, который только что отпочковался от университетского филфака.

В пять минут двенадцатого – к предельному сроку, установленному Натой Пинкертон, все-таки не успели! – парень качнулся к Саше на темной лестничной площадке между четвертым и пятым этажами. Она инстинктивно шарахнулась, как черт от ладана. Но шарахаться было некуда: Жемчужников держал за руки, а в спину упирались перила.

– Не бойся меня, глупенькая...

Хриплый шепот замер совсем рядом с ее губами, на щеке, превратился в сухое горячее прикосновение.

– Я и не боюсь, вот еще! – Почему-то Саша тоже охрип-

ла. — Уходи же, а то ночевать мне под дверь по твоей милости...

— Ухожу, ухожу. Надеюсь, ты хорошенько соскучишься без меня за месяц. Пожалеешь, что так жестоко прогнала меня! Ну, пока, Шурик! Помни, что я тебе сказал...

Борис легонько отпихнул ее от себя и, пятясь спиной, добрался до нижней ступеньки лестничного пролета, откуда послал Саше еще один поцелуй — по воздуху. После чего развернулся и мгновенно исчез из виду. Когда его быстрые шаги затихли внизу, Александра, все еще стоявшая без движения, уже отчаянно скучала по нему.

И вот этот месяц «отсрочки» подходил к концу. Вернее, проносился — в круговороте студенческих будней, в муках и сомнениях по поводу «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих». В те минуты, когда Саша сжимала свое трепещущее сердечко железной лапой рассудка и начинала по своему былому обыкновению рассуждать логически, она убеждала себя: ничего сверхъестественного с нею первого сентября не случилось. Ну, познакомилась с парнем. Ну, погуляли, поболтали. Даже ведь не целовались! Ничего «такого» Борис себе не позволял — стало быть, вообще не стоит придавать этому никакого значения.

Сказал, что это первое сентября станет для него на всю жизнь самым первым, что никогда он этот день не забудет — вот и все. Обычная «лапша», приманка для сопливых дурачков! Может, просто пошутил. Скучно было человеку, вот и

решил напоследок, перед колхозом, развлечься – влюбить в себя первую попавшуюся первокурсницу. Может, он уже и думать забыл о «странной девчонке» Саше Александровой. Даже наверняка забыл! В таком случае, конечно, он гад последний, а не «ум, честь и совесть». Ну, так этого от них, мужиков, всегда ждать нужно. Это не новость. Главное – ты сама не будь душой! Нельзя позволять им разбивать твое сердце. А уж если все-таки случилось – не подавай вида!

Александра убеждала себя, что так будет для нее лучше. Даже репетировала перед зеркалом в ванной ледяное равнодушие, которым она встретит Бориса, если он как подлый предатель не проявит к ней по возвращении интереса. И... замирала от ужаса всякий раз, когда представляла, что так может произойти в действительности. Чем ближе было второе октября – понедельник, с которого, согласно расписанию, начинались занятия на втором, третьем и четвертом курсах, – тем больше Саша нервничала. И как ни старалась скрывать свои чувства, а подружки все же начали подозревать, что она влюблена. Вот только никак не могли понять – в кого?!

– Пардон... О! Вы ли это, миледи?! – знакомое лицо мелькнуло перед Александрой.

«Перпетуум мобиле» третьего курса рыжей молнией мелькнул было мимо нее вниз, однако, узнав девушку, тут же вернулся.

– Александра Александрова, ударение на букву «о»? Привет, привет! Ну, как гранит наук – поддается?

Саша постаралась, чтобы ее улыбка выглядела не слишком кислой.

– Привет, Славик. Грызём помаленьку... Стало быть, военно-полевые действия успешно завершены, и мушкетеры прибыли на зимние квартиры? Потерь среди личного состава нет? – добавила она как можно беспечнее.

– Потерь-то нет, слава Богу! – хохотнул Филя. – А вот временно выбывшие из строя имеются. Небезызвестный вам поручик Жемчужников сачканул на целую неделю по каким-то одному ему ведомым делам. А все остальные при исполнении, можете проверить, миледи. Аудитория двести двадцать четыре, милости просим к нашему шалашу! Вернее, на наш скромный бивуак. Можно вместе с подружками!

Александра едва слушала его трескотню. Она следила за своими ощущениями: сердце оборвалось и укатилось куда-то в желудок, а вместо него в груди зависла противная,

щемящая пустота. Бориса нет в городе! И не будет еще целую неделю...

– ... Только я имею мысль, миледи, – «мушкетер» с видом заговорщика наклонился поближе к Сашиному уху, – что все «дела» нашего Бориса – какая-нибудь жгучая брюнетка. Доподлинно свидетельствую, что означенный поручик Жемчужников имеет к ним сердечную и все прочие склонности... Ой! Кажется, пора привязать коня за мой болтливый язык, Шурочка! Знаете такую притчу? Надеюсь, этот прожженный ловелас не успел первого сентября вскружить вам голову?

– Право же, вам не стоит так переоценивать вашего друга.

Александра обрадовалась, что прозвеневший наконец-то звонок избавил ее от этого невыносимого разговора.

– Ну, слава Богу: значит, у меня тоже есть шанс! – услышала она сквозь электрический треск. – Вот дьявол, хотел перекурить, да теперь уже... Мой вам добрый совет, Шурочка: держитесь подальше от этого ужасного типа – Борьки Жемчужникова. Это я вам говорю со знанием дела, как его друг.

– Спасибо, я это учту. Мне пора, до встречи, Славик!

И девушка опрометью бросилась по коридору к своей аудитории.

Одному Богу известно, как ей удалось высидеть в этот день целых две пары. Слезный комок распирает горло так, что оно готово было лопнуть. Несмотря на все гигантские усилия ее внутренний «резервуар» то и дело переполнялся, и избыток влаги сочился наружу. Тогда Александре прихо-

дилось низко склоняться над конспектами и делать вид, что у нее насморк. На семинаре по современному русскому она повергла доцента в шок тем, что отказалась отвечать по причине плохого самочувствия: такого с Александровой еще не случилось. От потрясения преподаватель даже не поставил ей «отказ».

Но тяжелее всего девушке давались перемены. В маленьком трехэтажном корпусе, где каждому были давным-давно известны все закоулки, не существовало никакой возможности укрыться от участия друзей и праздного любопытства всех прочих. К тому же Саша смертельно боялась покидать свою аудиторию, чтобы не попасться на глаза Филе или другим «мушкетерам»: слегка пошевелив воображением, ребята легко могли связать ее растрепанные чувства с отсутствием Борьки Жемчужникова.

Но и в родных стенах бедняжке дышалось не легче! Слишком многим здесь она была не безразлична. Хорошо еще, что Маринку Мелешкину все время отвлекали от Александровой то учебные дела «инострального легиона», то какие-то друзья по рабфаку, завалившиеся в гости на большой перемене.

Зато Рэй почти ни на секунду не спускал с Саши своих глаз преданной собаки. Но от этого Александре было еще хуже.

На третьей паре, во время пятиминутного перерыва она стояла у окна, глядя сквозь слезы, как промозглый осенний

ветер обрывает с тополей последние листья. Поблизости, на счастье, никого не было. Углубившись в себя – а там, в душе, в этот миг было не уютней, чем на улице! – Саша не услышала, как он подошел. Она вздрогнула от неожиданности, увидев шоколадную руку с розовыми ногтями. Эта рука осторожно коснулась тонких длинных пальцев девушки, судорожно вцепившихся в подоконник.

Этого еще не хватало: теперь его глаза совсем близко. Вот будет дело, если она сейчас разревется – прямо перед преподавателем, который зайдет с минуты на минуту!

– Нет, Рэй, ты мне не поможешь. Никто мне... И вообще, ничего не случилось, понимаешь? Все в порядке! Пожалуйста, оставь меня, я хочу побыть одна.

В ответ большая темная рука схватила маленькую белую и сжала так, что хрустнули пальцы – непонятно, чьи...

– Но я не могу видеть, как тебе больно, Саша! Как тебе плохо! Это ты понимаешь?! – хриплым шепотом крикнул африканец.

Последняя капля переполнила слезный резервуар, и все накопившееся в нем хлынуло через край.

– Ну так не смотри! Кто тебя вообще просит все время на меня смотреть?! Что вы все ко мне пристали?! Отвяжитесь от меня со своим сочувствием, без вас тошно!

Саша яростно вырвала руку из дружеского плена и, схватив со стола свою сумку, кинулась вон из аудитории, сшибая на пути обалдевших однокурсников. Ей что-то кричали

вслед, кто-то попытался ее схватить, но куда там...

Так – стремительно и немного неуклюже – в жизнь Саши Александровой входила ее первая любовь. Обычно она перво-наперво одаривает влюбленных розами, а шипы и кровоточащие раны начинаются потом. Но в «странную девчонку» из Звенигорска любовь вонзила свои острые колючки сразу, едав поманив волнующим ароматом.

Однако, если кто-то думает, что, уколовшись, Александра перестала тянуться к таинственным розам и удовольствовала мягкой, гладко подстриженной «газонной травкой» своей молодости, безбрежной и безоблачной... Пусть тогда этот мудрый «кто-то» вспомнит собственные семнадцать лет!

К следующему понедельнику – вернее, даже к субботе, когда она сразу после занятий уехала домой, – Саша полностью излечилась от своего так бесславно закончившегося чувства. По крайней мере, сама она была в этом уверена. Образ сероглазого предателя, загулявшего где-то в Москве с пышногрудой разбитной брюнеткой (почему-то счастливая соперница представлялась Александре именно такой), еще являлся девушке. Но больше не вызывал комок в горле – разве только горькую усмешку: о, эти коварные мужчины!..

Конечно, ей было неприятно вспоминать, как она до самого вечера словно последняя дура рыдала на Маринкиной тахте, так что в конце концов у нее даже поднялась температура. Было стыдно за свое глупое поведение на факультете, достойное не первокурсницы, а разве что первоклассницы. И особенно стыдно – перед Рэем, которому она так возмутительно нахамила и у которого так и не сумела попросить прощения. Так долго собиралась с духом, что бедняга сам попросил извинить его неизвестно за что, чем окончательно оконфузил Александру.

Маринка, когда узнала, из-за чего весь сыр-бор, долго хохотала.

– И это – все?! Ну, Сашка, ты даешь стране угля! Господи, я-то думала... Скажите, пожалуйста: уехал в Москву, тебя не

спросился. Да мало ли что могло случиться у парня! Может, и правда срочное дело, приедет – объяснит. Скажет: «Здравствуй, милая моя...»

– «... Я тебя дождался!» – мрачно вставила Александра.

– Не перебивай старших! Да, скажет: здравствуй, милая, извини, то-то и то-то... Не смог, мол, предупредить, но только о тебе и думал, люблю, люблю, люблю... И все такое. Но даже если не скажет, то это еще не повод... Послушай, ты мне правда все сказала? У вас в самом деле ничего не было?

– «Ничего не было»! – снова передразнила Саша, не на шутку разозлившись. – Где?! В парке, под кустиком? У тебя, Мелешкина, одно на уме!

– Да лучше уж пусть на уме, чем в... другом месте. Меньше проблем! Чего ты выступаешь, я же просто так говорю, на всякий случай... Нет, Сашок, вот это новость для меня! Сразила, просто сразила наповал. И, главное, целый месяц молчала, тихоня, ни гу-гу! Я бы, наверно, нипочем так не смогла – молчать, что влюблена.

– Иди ты... Ни в кого я не влюблена!

– Рассказывай! Наташка просто умрет, когда узнает. Ладненько, завтра попрошаю ребят про этого твоего Жемчужникова, разузнаем в подробностях, что за фрукт-овощ. Поймай, поймай... Ну конечно, теперь я его вспомнила! Видела разок или два, мы же не в этом корпусе занимались. Такой блондинистый, ничего особенного. Кажется, по жизни большое трепло и своего не упустит. Вообще-то тебе лучше дер-

жаться от него подальше, это тебе Филимонов верно сказал.

Предательски дрогнувшим голосом Александра перебила подругу:

– А сама говорила: придет... скажет... «люблю»...

– Это я тебя утешала, чтоб не ревела. Послушай, да плюнь ты на этого Борьку, а? Свет клином на нем не сошелся!

Но плюнуть – окончательно! – ей удалось только дня через три-четыре. Особенно быстро пошел процесс излечения, когда Мелешкина нажала на все свои источники и выдавила из них немалое количество информации о студенте третьего курса Жемчужникове.

– Но уж тебе-то, Сашок, этого должно быть достаточно, чтобы послать этого «сероглазого короля» подальше! – увещевала подругу Маринка. – Не хватало еще тебя в его донжуанском списке! Знаем мы таких «ангелов-хранителей»... Ну хочешь, я сама его отошью, на пять метров к тебе не подойдет?

– Вот еще! Сама справлюсь.

В понедельник, холодным, но ясным октябрьским утром «Икарус» из Звенигорска рейсом на четыре тридцать подрулил к длинному приземистому зданию автовокзала, который успел уже стать для Александры почти родным. Девчонка с зелеными глазами (в полутьме салона они казались почти черными), тяжело вздохнула и поежилась, выглянув из-за плотной сборчатой занавески наружу, где в сероватой

дымке раннего утра плавали многоэтажные городские окраины. Надвинула на уши черный фетровый беретик, подняла воротник пальто и, подхватив две увесистые сумки, тронулась к выходу.

На улице она в нерешительности остановилась, озадаченная вечным вопросом: ждать «тридцать четвертый» автобус или двинуть на трамвай? Баланс плюсов и минусов почти сложился в пользу трамвая, когда Александра с изумлением почувствовала, что кто-то мягко, но настойчиво пытается освободить ее руки от сумок. Оборачиваясь, успела подумать: дожили! Увести поклажу из-под носа зазевавшегося пассажира – это еще понятно, но рвать тяжелые сумки прямо из рук...

– Поздравляю, миледи! – насмешливо произнес у нее над ухом знакомый, чуть хриплый голос. – Собственнический инстинкт у вас развит нормально, не пропадете. Но тебе все же придется отдать их мне: машина у подъезда!

Сердце подпрыгнуло и заколотилось в горле, но Александра усилием воли препроводила его на место. Приподняв брови, она смотрела на встречающего взглядом императрицы, которую позабавила экстравагантная выходка ее подданного.

– Кого я вижу! Поручик Жемчужников, какими судьбами? Что привело вас в такую рань...

– Я надеялся, что за месяц ты станешь подогадливей, Шурик! – прервал Борис бесцеремонно и весело. – Но уже вижу:

зря надеялся. До тебя по-прежнему доходит как до жирафа, поэтому объясняю на пальцах: поручик Жемчужников специально взял такси и примчался в такую рань в такую дрянь, пardon – даль, чтобы встретить одну странную-престранную девчонку с зелеными глазами, по которой он ужасно соскучился! А перед этим, вчера, оборвал телефон в квартире твоей досточтимой Наты Пинкертон, чтобы выяснить, каким автобусом ты приезжаешь. Я не исключаю, что теперь она откажет тебе от места, и нам придется скитаться с твоим бахлам по углам...

Вся королевская статья, так тщательно отрепетированная, была мгновенно смята натиском бывалого рубаки-мушкетера. Улыбаясь от уха до уха, Борис взял из рук девушки сумки (не драться же с ним, в самом деле!), тут же поставил их на землю, схватил ошарашенную Сашу в охапку и чмокнул в нос прежде, чем та успела хотя бы пискнуть.

– Ну, привет, Шурик! Черт, как же я соскучился...

– Отпусти сейчас же!

Ее ладони в кожаных перчатках уперлись в серо-голубую дутую куртку. Однако, вместо того чтобы оттолкнуться, вдруг начали предательски скользить вверх с явным намерением окольцевать шею нахала...

Сильные лапы Бориса сжимали Сашу все так же крепко. Она чувствовала его теплое дыхание и волнующий пряный аромат не то дезодоранта, не то одеколона... От этого запаха, от его тепла, такого близкого и властного, тонкий ледок, по-

крывший сердце Александры, таял на глазах. И все, что было заключено под этой смехотворной броней, аврально вырывалось наружу, заполняя все ее женское существо радостью и любовью. А она-то, дурочка, приняла эту «наледь» за монолит, за айсберг! Но вот ее пригрел лучик солнца – и «айсберг» испарился без следа...

– Пусти же...

– И не подумаю. Ведь ты со мной даже не поздоровалась, нахалка!

– Это я – нахалка?! Ах ты... – Девушка не находила слов от возмущения. – Как будто это я смылась в Москву прямо с колхозного поля, не сказав ни слова! Тоже мне «ангел-хранитель»...

Он засмеялся, по своему обыкновению тряхнув русыми непокрытыми вихрами.

– Ах, вот что вас взбесило, миледи! Ну, так совесть моя чиста: я честно пытался до тебя дозвониться. Но увы: ответом мне были только длинные гудки. Конечно же, ты в выходной денек развлекалась где-нибудь со своими новыми цветными дружками – чтоб им никогда с деревьев не спускаться! Ну-ну, признавайся: не очень-то ты тут скучала, а, неверная?

Борис сделал страшные глаза Отелло, «которое рассвирепело», и крепче сжал свою добычу – будто в самом деле собираясь задушить.

– Да уж не сомневайся! Горьких слез не лила. Кстати, взя-

ла с собой на вечеринку и Наталью Ивановну: вот почему она тоже не подходила к телефону. Подлый обманщик! Звонил он...

Борис опять засмеялся, но уже совсем не так – ласково и примирительно.

– Шурик, я действительно звонил, слышишь? Правда, не очень настойчиво: до поезда оставалось чуть больше трех часов, а мне надо было еще привести себя в порядок после колхоза, отпроситься у Борислава, раздобыть билет в Москву... В общем, сама понимаешь.

– Пока еще ничего не понимаю. Да что у тебя стряслось-то, почему была такая спешка?

Жемчужников сразу посерьезнел.

– Не помню, говорил тебе или нет... Есть у меня брательник в столице, троюродный или что-то в этом роде. В общем, седьмая вода на киселе, но так уж вышло, что в детстве мы много времени проводили вместе. Так вот: он там периодически втюхивается в разные истории, а мне, как «старшему» и умному, приходится его из них вытаскивать. Вот это и был как раз тот случай.

«Ну, что касается „историй“, то ты и сам по ним спец, Боренька!» – подумала Александра, припомнив Маринкин рассказ о прошлогодней колхозной «одиссее» Жемчужникова. Но вслух сказала совсем другое:

– Что же, у него там нет других «старших и умных», поближе тебя? А родители?

– «Родители»... Много они значат для оболтуса за двадцать, который воспитывался на улице! Мать у него есть – моя двоюродная тетка, но она с Серегой давно не справляется. Она-то и прислала мне телеграмму, чтоб срочно ехал.

– В колхоз, что ли?

– Зачем в колхоз – домой, конечно. Такая была истеричная депеша, что даже мачеха забеспокоилась, стала разыскивать меня по телефонам: она же не знала точно, когда я вернусь в город. И разыскала-таки – накануне нашего отъезда. Я уж, честно сказать, думал, что Серега там неживой лежит.

– А что с ним стряслось?

– Да... Даже говорить не хочу. Влип в одну компашку, которая квартиры обчищала. Придурок!

Увидев, как глаза девушки вылезают из орбит, он поспешно добавил:

– Да нет, ты не думай: брательник там не при чем оказался. Он просто выпивал с этими козлами, но поди докажи это нашей доблестной милиции... Ладно, Шурик, хватит об этом! – Борис тряхнул шевелюрой, отгоняя неприятную тему, и широко улыбнулся: – Между прочим, счетчик тикает, а я совсем не миллионер!

Он наконец-то отпустил ее талию, чтобы взять сумки. Сашины ладони, на которых почему-то давно уже не было перчаток, скользнули к красным от холода ушам встречающего.

– Борька! Почему без шапки? Уши как ледышки...

Жемчужников тут же подтянул ее руки к своим губам, ко-

торые, в отличие от ушей, были очень теплыми, даже горячими.

– Это оттого, что я дурак. Во всяком случае, наедине с тобой.

Отшумели сухие листья, полетели снежные хлопья. Журфак – эта огромная, беспечная и шумливая «попрыгунья-стрекоза» – не успел и оглянуться после каникул, стройотрядов, трудовых и пионерских лагерей, колхозных романов и первых учебных дней, как подкатила зимняя сессия. Конечно, она стала событием только для желторотых первокурсников – да и то лишь потому, что первая. «Деды» встретили ежегодное зимнее зло с невозмутимостью, достойной будущих «акул пера» и «инженеров человеческих душ». В конце восьмидесятых, когда волны рынка еще не посягали на святая святых – образование, а лишь начинали мутить слабой рябью экономику, отчисления за неуспеваемость в гуманитарных вузах были почти такой же фантастикой, как железные топоры в каменном веке.

Одним словом, несмотря на то, что на доске объявлений вывесили неумолимый график зачетов и экзаменов, факультет журналистики продолжал жить своей обычной жизнью: гулял, пил, тусовался, крутил романы. А в свободное от этой – основной! – работы время слегка учился, чуть более интенсивно налаживал отношения с редакциями, «забывая» будущие рабочие места, и весьма энергично осваивал многочисленные способы укрепления собственного материального благополучия – как известные г-ну О.Бендеру, так и иные,

до которых Великий Комбинатор в его время еще не дорос.

Что касается романов, то с того самого октябрьского дня, когда третьекурсник Боря Жемчужников примчался на такси на пригородный автовокзал за первокурсницей Сашей Александровой, на журфаке стало одним романом больше.

С этого дня они не скрывали своих симпатий, хотя и не выставляли напоказ. Больше всего Александра опасалась подначек со стороны однокурсников и ухмылок ее знакомцев-«мушкетеров». Но ничего такого не было – если не считать короткого объяснения с Маринкой Мелешкиной.

– Значит, все-таки Борька? – бесцветным голосом бросила подружка, когда в тот же понедельник они возвращались из столовой, где светловолосый парень в джинсе весь обед пожирал Александру насмешливо-влюбленным взглядом.

– Да, Борька! – запальчиво ответила Саша. – Мы помирились, он мне все объяснил. И вообще, это совсем не то, что ты думаешь, я с ним спать не собираюсь, мы только...

– Ну конечно! Зарекался кувшин по воду ходить... Ты-то, может, и не собираешься, а он – очень даже собирается! Думаешь, он все время будет только сумочки тебе таскать да тарелочки подносить, да?!

– Это его дело, что он там собирается. У меня своя голова есть, между прочим!

– Ну-ну. Только не говори потом, что я тебя не предупреждала.

– Не беспокойся, не скажу. И вообще, почему тебя это так

волнует? Я же не у тебя его отбиваю!

– Дурочка... – Маринка посмотрела на нее долгим материнским взглядом, полным сожаления. И хотя от этого взгляда Александре стало не по себе, она еще больше закусила удила.

– Ну и пусть, если тебе так хочется! Хватит об этом, ладно?

– Па-жалуйста!

– Девчонки, перестаньте вы, не ссорьтесь... – вмешалась вечная миротворица Наташа.

Они не поссорились, но от этого разговора у Саши остался неприятный осадок. Словно она и в самом деле перешла кому-то дорогу.

Еще ее слегка покусывала совесть за то, что из-за Бориса стала гораздо реже бывать в родном Звенигорске. Только на Новый год проявила твердость – поехала к своим, хотя Борька отчаянно уговаривал встречать праздник «в тесном кругу мушкетеров, их дам и оруженосцев». Они даже едва не разругались в пух и прах. Но уже первого января, сославшись на подготовку к экзамену, Александра полетела к милому, и он повел ее на какое-то грандиозное новогоднее шоу в ДК «Рубине».

Нет, ни сессия, которой она начала бояться чуть ли не с первого сентября, ни даже чувства примерной дочери и внучки не могли вытеснить Борьку Жемчужникова с того привилегированного места в сердце Саши, которое он са-

мовольно захватил. Несмотря на периодические «колебания» в окружающей атмосфере, барометр ее дружбы с «ангелом-хранителем» устойчиво показывал ясную погоду.

Борис был взрослым, но не «старым», умным, но не скучным, серьезным, но не занудой, самостоятельным, но не нахальным – разве что самую чуточку... Он был силен, спортивен и красив – да, теперь Саша могла себе в этом признаться. Он был надежным другом и пылким влюбленным. Будучи вполне современным парнем, он умел ухаживать красиво. Он был тем, о ком мечтает любая восемнадцатилетняя девчонка. При этом он не заставлял Александру демонстрировать свои чувства к нему на людях.

«Мушкетеры», конечно же, знали, кем занято сердце их товарища, но виду не подавали: очевидно, с Филей и Чипом была проведена профилактическая работа. Даня Кулик был вообще не тот человек, кого требовалось предупреждать: он обладал врожденным чувством такта. А шутников вроде Бена или Вити Морозова Саша научилась не принимать всерьез.

И лишь иногда краем глаза девушка ловила темное облачко на этом бесконечно солнечном небосклоне. Бедный Рэй! Он больше не спрашивал у Саши, чем он может ей помочь: она теперь не нуждалась в помощи. Он вообще перестал заговаривать с ней первым – только отвечал, если она к нему обращалась. Правда, еще смотрел временами, только Саша этого не замечала...

А как-то в середине зимы Маринка, сделав большие глаза, доложила подружкам, что вчера видела Рэя с Таней Зельц – маленькой рыженькой немкой-стажеркой с филфака. Таня Зельц была личностью известной – не только тем, что училась отлично и читала Достоевского и Толстого в подлиннике, но и тем, что в ГДР у нее осталась русская мама. Вскоре Танина связь с симпатичным негром-журналистом перестала быть секретом для всех, и однокурсницы отныне встречались с Реем только в учебной аудитории. А Бену все чаще приходилось гастролировать по этажам общаги в одиночестве.

Однажды Саша неожиданно столкнулась с чернокожим красавчиком в дверях кабинета – нос к носу. Оба по старой привычке мгновенно отвели глаза в стороны. Сколько раз она мечтала о том, чтобы Рэй перестал страдать по ней, а сейчас вдруг почему-то стало грустно...

Да, любовь умерла. И – да здравствует любовь!

Они встречались с Борисом не каждый вечер, но раза три-четыре в неделю – обязательно. Ходили в кафе, в кино, в театры и на выставки. Иногда – в хорошую погоду – просто гуляли по улицам, как в первый день знакомства. Изредка даже катались на трамвае, когда приходила такая фантазия. Помня о том, что Боря ей говорил про свои социально-бытовые условия, Саша никогда не заводила речь о том, чтобы побывать у него на улице Комиссаржевской. А уж о том, чтоб сделать наперсницей влюбленных Наталью Ивановну Пинкер-

тон, – тем паче. Как-то раз, когда нашу парочку накрыл снег с дождем, Александра в отчаянии предложила переговорить с хозяйкой насчет «визита вежливости», однако Борис поднял ее на смех. Пришлось дрожать в холодном подъезде, но зато – прижавшись друг к другу...

Несколько раз Жемчужников приглашал Сашу с собой в шумные компании, собиравшиеся на квартирах его приятелей и приятелей его приятелей. Но эти компании ей не очень-то нравились: там много пили, много курили, девицы были слишком развязны, а парни – слишком нахальны. И непрерывно грохала машина для заколачивания свай, которую все они называли «музыкой». Там много смеялись (часто – по такому поводу, что Александре хотелось немедленно покинуть помещение), но настоящего веселья не было. Приятным исключением стал, пожалуй, только день рождения Славика Филимонова, где было много знакомых Саше лиц. Словом, на таких тусовках она чувствовала себя чужой среди чужих. Да и ее спутнику было явно не по себе оттого, что не по себе было ей.

Но и в Сашиной компании у Бориса возникали такие же проблемы, как у нее – с его знакомыми! Во-первых, между ним и Маринкой Мелешкиной с самого начала будто черная кошка пробежала. Это была взаимная нелюбовь с первого взгляда, абсолютно, как казалось Саше, необъяснимая. Тем более необъяснимая, что у всех прочих мужиков – от юного «чико» Даниэля Кордова до престарелого профессо-

ра Конюхова – Маринка вызывала прямо противоположную реакцию. Ну, а из «во-первых» вытекали «во-вторых» и так далее: вся александровская компания крутилась вокруг Мелешкиной, словно вокруг центра всемирного тяготения, собиралась, как правило, у нее на квартире и кишмя кишела иностранцами всех мастей. А иностранцы – в этом Саша давно убедилась – действовали на Жемчужникова, как красная тряпка на быка.

Конечно же, Александре не нравилось, что два самых милых ее сердцу человека никак не могут поладить между собой. Но еще больше не нравилось ей, что она никак не могла понять – почему?

Мелешкина не утруждала себя аргументами.

– Не нравится он мне, Сашок! Нутром чую, понимаешь? Разве мало тебе его кобелиной натуры? Попомни мое слово...

С Борькой было еще трудней говорить на эту тему.

– Твоя Мелешкина уверена, что она пуп земли! Думает, что ею должна восхищаться вся Вселенная. Противно смотреть, как она крутит задом перед всеми мужиками!

– Борька, не смей! Она моя подруга! И вообще, Маринка совсем не такая, ты ее не знаешь.

– ...Я бы мог тебе сказать, за что она меня на дух не переносит. Да не стоит: она ж твоя подруга!

– Нет уж, ты говори, говори!

После яростной атаки он сдался.

– Она просто не может мне простить, что я выбрал тебя, а не пристроился в хвост длинной очереди ее хахалей. Сама мысль о том, что можно любить кого-то, кроме нее, ей невыносима!

– Врешь!!! Смотрите-ка, да ты у нас сам – пуп земли! А еще про других рассуждаешь!

Оттолкнув его руку, Саша быстро пошла не оборачиваясь по заснеженной аллее парка, но Борис нагнал ее одним прыжком. Игнорируя сопротивление, обхватил сзади, ткнулся шершавыми губами в ухо.

– Постой, глупенькая... Ну прости, я не хотел с тобой ссориться. Ты же сама начала этот никчемный разговор!

– Борька, как ты можешь! – Александра порывисто повернулась к парню, положила руки на плечи. – Нельзя же так безапелляционно судить о том, чего не знаешь. В отношении Маринки ты не прав, совсем не прав! Говорю ж тебе, ты ее совсем не знаешь. Она меня любит и будет только рада, если у меня все будет хорошо.

– Послушай, Шурик! – Борис мягко зажал голову девушки между своими ладонями. – Я давно знаю, что ты – самый добрый, самый благородный и чистый человек на свете. Иначе бы я в тебя не влюбился как мальчишка. Но нельзя быть такой наивной, понимаешь? Надо научиться видеть за красивыми словами настоящую человеческую природу, разбираться в ней! Иначе потом, когда останешься с жизнью один на один, можно таких шишек себе набить, в такое дерь-

мо вляпаться, что...

– Один на один?..

Саша глядела на него широко распахнутыми глазами.

– А я-то думала, Борис Феликсович, что вы и вправду хотите стать моим ангелом-хранителем, защитой и опорой на всю оставшуюся жизнь!

– Ну что ты, конечно... – Он смущенно потянулся к ней, но Саша отстранилась. – Я ж не имел в виду, что мы расстанемся, просто... Разные бывают ситуации. И я не хочу, чтобы когда-нибудь ты плакала из-за своей доверчивости, Шурик.

– Я что-то не пойму – о чем это ты?

– Да вот хотя бы об этой твоей Маринке. Может, в ней я действительно ошибаюсь, дай Бог, как говорится. Только... Извини меня, но ни одна баба на свете не поставит дружбу выше своей бабской натуры. Никогда! Так что если ты, к примеру, когда-нибудь перейдешь своей подружке любовную дорожку... Или еще проще: есть такие, которые считают, что все мужики на свете должны принадлежать им и только им. Ну, словом, ты не надейся, что дружеские чувства к тебе ее остановят. Нет, Шурик!

Александра чутко ловила каждое слово этой небольшой лекции, и в ней закипало смешанное чувство возмущения, ревности и собственной женской неполноценности: уж у нее-то, Саши Александровой, дружба всегда была и останется на первом месте!

– Скажите, какой знаток женской сущности! Интересно,

на каких же это семинарских занятиях тебя такому обучали?!

Борька нахально усмехнулся, прижав к себе девушку и увлекая вперед по аллее.

– Не на семинарских, Шурик, а на практических! Кажется, я от тебя не скрывал, что у меня была богатая практика, так? Да если б и попытался, то всегда нашлись бы «доброжелатели» вроде твоей Мелешкиной... Видишь, я перед тобой чист: не таю ни своих действий, ни помыслов!

– Бабник! И помыслы у тебя бабника, матерого такого...

Жемчужников засмеялся тихим гордым смехом, потом вздохнул не без сожаления.

– Был, Шурик. Был! Все в прошлом. А в будущем – только ты. – Он теснее прижался к ней. – Мы с тобой!

– Борька... – Александра спрятала горящее на морозе лицо на плече друга.

То самое, о неизбежности которого все время предупреждала Маринка Мелешкина, случилось седьмого апреля – через день после того, как Александре исполнилось восемнадцать.

Еще за месяц до дня рождения она стала ломать голову: как отпраздновать совершеннолетие так, чтобы совместить несовместимое – Маринку с «иностранным легионом» и Борьку Жемчужникова с его «мушкетерами, дамами и оруженосцами». А главное – куда приглашать эту вторую гопкапеллу? Не к Мелешкиной же! Ломала, ломала, но так ничего и не придумала.

А в понедельник, непосредственно перед событием, к ней на первой же пятиминутке внутри пары примчался Борис.

– Шурик, решено: собираемся у меня, в субботу!

– У тебя?! – Саша подумала, что ослышалась.

– Ну да! Мадам Жемчужникова покидает меня на целую неделю, можешь себе представить? В субботу утренней лошадью отбывает в столицу, ура!

– Какой еще лошадью, Борька, что ты несешь?

– Ну, то есть не на одной лошади, а сразу на нескольких тысячах, уже не помню, сколько их в двигателе самолета. Это я от радости, извини. В общем, вчера «мамочка» мне сообщила, что намерена взять недельку за свой счет и махнуть

в Москву. У них там в этом году какой-то юбилей выпуска – она же МГУ закончила. Так вот, сейчас ее московские подруги затевают что-то вроде «оргкомитета», как она выразилась, а я думаю, это будет похоже скорее на генеральную репетицию. Впрочем, мне плевать, что там будет, по мне – так хоть бы она вообще получила московскую прописку! Но, к сожалению, уже взяла обратный билет, так что счастье будет недолгим. Но все равно оно будет! Ты все усекла, Шурик? Возражений нет?

– Принято единогласно. Но послушай, как же...

– Потом, потом! Я помчался: семинар... Приглашай кого хочешь! – великодушно разрешил он уже издали.

«Черта с два – „кого хочешь“! – решила Александра про себя. – Все равно в четверг соберемся у Маринки со своими. А насчет субботы видно будет».

Утром в воскресенье, открыв глаза, Саша Александрова испугалась, увидев себя в незнакомой комнате с высоким потолком, с незнакомыми темными портьерами на единственном окне. Через это окно, состоящее, казалось, из одних рамных переплетов – такие окна бывают в старых домах, – едва проникал серый свет раннего утра. Не было слышно никаких звуков, кроме приглушенного тиканья будильника.

Девушка инстинктивно скосила глаза на его стук – который там час? И испугалась еще больше, увидев рядом на подушке растрепанные вихры Борьки Жемчужникова. Он лежал на животе, повернувшись к Александре затылком, и

чуть слышно посапывал.

Несколько мгновений она созерцала эту картину широко распахнутыми глазами, которые сейчас казались почти черными. Потом выражение страха в этих глазах мало-помалу сменилось другим. Саша осторожно выпростала руку из-под одеяла и так же осторожно пошевелила мягкие светлые волосы спящего, слипшиеся у шеи в маленькие сосульки. Стричься тебе пора, Борис Феликсович... Не удержавшись, Александра потянулась и поцеловала маленькую смуглую ямку у него на шее, где-то над вторым или третьим позвонком. Потом легонько провела указательным пальцем вдоль позвоночника, сверху вниз – до того места, где началось одеяло. Борька дернул кожей, сладко вздохнул – но не проснулся.

Спина у него была совершенно ледяная – Саша уже поняла, что в комнате не жарко. А этот раскрылся, как маленький... Осторожно, боясь разбудить «ребеночка», девушка натянула на него одеяло до самой шеи.

Эта процедура привела к новому открытию: Александра обнаружила, что сама лежит под толстым ватным одеялом абсолютно голая. Тут она, наконец, припомнила некоторые обстоятельства, приведшие ее к столь двусмысленному и уязвимому положению, – и, пискнув от стыда, нырнула в теплую темноту с головой. Так она лежала с зажмуренными глазами и горящими ушами, которых, слава Богу, сейчас никто не видел, прокручивая перед мысленным взором свое грехо-

падение – кадр за кадром. И прислушивалась к новым ощущениям в теле, которое сегодня ночью впервые попало черт знает в какую переделку.

Но, как ни странно, никаких новых ощущений не было – кроме отдельных, невыразимо приятных, которые вызывались некоторыми воспоминаниями... Короткая боль еще сидела в памяти, перемешанная со стыдом и блаженством, но не в теле – с телом, кажется, все было в порядке.

Немного успокоенная, но все еще смятенная, Александра поняла, что она просто умрет, если в таком виде дождется пробуждения Борьки. Да и физиологические потребности давно уже играли сигнал к подъему... Подавив скорбный вздох, девчонка высунула на поверхность глаза, как подводная лодка высовывает перископ, и стала высматривать свою одежду.

О, это оказалось делом нелегким! Ибо в небольшом помещении, еще вчера бывшем уютной спальней, сейчас царил невообразимый кавардак. Словно здесь и в самом деле произошло морское сражение! А когда Александра сообразила, что они с Борисом занимались любовью в комнате его мачехи Ольги Геннадьевны, это открытие отнюдь не прибавило ей энтузиазма.

В поле ее зрения попал красивый фирменный пакет, лежащий на подзеркальнике, и Саша невольно улыбнулась. Вот ненормальный, подарил ей джинсы... Да еще какие – «Левис страус»! Да еще размер угадал тютелька-в-тютельку – сидят

как влитые! Вчера она полчаса крутилась в них перед этим самым зеркалом. Только вот как ей в этих джинсах показаться в Звенигорске?.. Нет уж, видно, придется тут носить.

К счастью, в пределах досягаемости девушка заметила желтый махровый халат, принадлежащий, по-видимому, хозяйке здешних мест. Опасливо покосившись на дрыхнущего Жемчужникова, она накинула это одеяние на плечи и только тогда рискнула оторваться от кровати.

Собирая предметы своего туалета, разбросанные как попало по креслам, стульям и ковру, Александра несколько раз неуклюже натыкалась на углы и что-то роняла. Однако судьба ее хранила: Борька ворочался, но не пробуждался. Дольше всего пришлось искать колготки; пожалуй, она и вовсе не нашла бы их, если бы они не свесились с платяного шкафа. Саша даже усмехнулась. Сколько раз она читала про подобные безобразия в любовных романах, но была уверена, что все это выдумки. Как же можно так расшвырять вещи?! И вот вам, пожалуйста!

Кое-как собрав все в кучу, она опрометью бросилась в ванную. И только когда задвинула засов, почувствовала себя в безопасности и перевела дух. К счастью, толстая струя воды, бьющая из крана, вскоре потеплела, и Александра с наслаждением подставила тело под горячий душ. Почему-то вспомнилась леди Макбет. Как она там говорила? «Кровь, кровь с моих рук не смыть!» «А тебе, голубушка, грех с себя теперь не смыть, как ни скребись... Ладно, чего уж теперь!

Сама полюбила, никто не велел».

Ей показалось, что плескалась она никак не меньше суток. Но когда, одевшись, Саша боязливо высунула нос из ванной, она обнаружила, что Борис все еще спит. Первым движением ее души было потихоньку улизнуть. Но, заглянув в Борькину комнату, откуда последнего гостя вынесли вчера – вернее, сегодня! – во втором часу ночи, Александра поняла, что ее женская совесть просто не позволит ей так вероломно свалить на бедного спящего хозяина столько работы.

Стол был завален грязной посудой, пустыми бутылками и остатками пиршества. Да и вся комната – как и та, первая – представляла собой широкое поле деятельности для щетки и тряпки. Самому Борьке с этим за неделю не управиться!

Александра вздохнула и начала перетаскивать посуду на кухню. Покончив с этим, она подвязала свое новое зеленое нарядное платье – то самое, что так понравилось Рэю – махехиным передником и открыла краны с водой. Она мыла посуду, стараясь не очень шуметь, и все время держала ушки на макушке.

И все же тот звук, которого так ожидала и так боялась, Саша пропустила. А может, никакого звука и не было – он подкрался неслышно... Совершенно неожиданно сильные руки обхватили ее сзади, а в шею ткнулись горячие губы, заскользили вниз... Вскрикнув, девушка чуть не выронила фарфоровую тарелку из японского сервиза.

– Что я вижу, миледи! Картина, милая сердцу мужа...

– Борька, черт! Разве можно так пугать?!

– Пугать? А я думал, ты меня уже не боишься! Ну, привет, Шурик! С добрым утречком. Эй!.. Ты что это?!

Он отобрал у Александры тарелку и развернул лицом к себе, приподнял ее голову за подбородок.

– Борька! Не смотри на меня, слышишь? Пусти...

Вместо ответа он окинул ее с головы до ног таким взглядом, от которого девушка снова почувствовала себя раздетой. Потом его глаза вернулись обратно, и Борис впился в свою «жертву» таким душераздирающим поцелуем, какого Саша еще не помнила. За спиной у нее грохотал целый водопад, но напрасно Александра пыталась нащупать краны ослабевшей рукой...

Медленно, нехотя оторвавшись от нее, Борька втянул ноздрями воздух.

– Ага, моим мылом пахнешь! Это кстати...

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Борис деловито подхватил девушку на руки и потащил вон из кухни. Она очень недолго сомневалась, куда он ее несет, и забарабанила кулаками по его голым плечам.

– Борька, не смей!!! Отпусти сейчас же! Я не хочу!

Он со смехом пощелкал языком.

– А сегодня ночью вы говорили совсем другое, миледи. И тогда, черт меня подери, вы были более убедительны!

– Врешь, нахал! Бабник... Говорю тебе, отпусти – или я сейчас же уйду!

Это звучало очень смешно, потому что она уже лежала на той самой двуспальной кровати, с которой встала час назад, и видела над собой огромные серые глаза. Они смотрели насмешливо и влюбленно. Но Борька, вопреки ее ожиданиям, не засмеялся. Напротив, он заговорил серьезно, как давно уже не говорил со своим «Шуриком».

– Никуда ты теперь не уйдешь, слышишь? Я тебя никуда не отпущу! Ты моя! Приговор окончательный, сопротивление бесполезно, и все такое. Я ж тебе еще в первый день сказал, что стану твоим ангелом-хранителем – помнишь?

– Хорошо же ты меня сохранил, ничего не скажешь!

– Так я же для себя тебя и сохранял, глупенькая! Я так давно ждал этого дня, вернее, этой ночи... И заруби на своем вздернутом носике: я так осторожно и постепенно тебя сворачивал совсем не для того, чтобы теперь отдать какому-то козлу, понимаешь? Я сам хочу сделать из тебя потрясную женщину, Шурик!

Жемчужников окинул Сашу быстрым самодовольным взглядом – словно оценивал первые результаты своего грандиозного плана.

– Это и есть мой главный подарок к вашему совершеннолетию, миледи. Когда-нибудь ты поймешь, что это настоящий королевский подарок! Надеюсь, это будет очень скоро. Ну, а теперь можешь злиться на меня сколько влезет, маленькая зеленоглазая фурия! Моя странная женщина...

Александра еще что-то выкрикивала и лепетала, но Бо-

рис, не обращая на нее больше никакого внимания, деловито приступил к подготовительному этапу. Нашупав узел передника, который первым попался на его пути, он неожиданно остановился и окинул девушку взглядом художника, замышляющего композицию будущей картины.

– А ты знаешь, фартучек мы, пожалуй, оставим. По-моему, это будет пикантно. Как думаешь?..

Книга вторая. Гроза

8

Капли начавшегося дождя мгновенно расчертили стекла машины длинными косыми штрихами. Несмотря на это, Ольга Геннадьевна Жемчужникова возвращалась в город в самом солнечном настроении. Уик-энд на заводской турбазе был как по нотам разыгран! С погодой им повезло просто расчудесно: никто не помнит, чтобы в апреле стояла такая теплынь. Они с Вадимом даже позагорали голышом в уединенном местечке пляжа; он сказал, что вряд ли кому-нибудь из сослуживцев взбредет на ум соваться сейчас к воде, да еще в такие заросли – и оказался прав.

– Гляди, лисичка-сестричка, как парит сегодня! Не иначе гроза будет: видишь тучки там, на юго-западе?

– Ты что, в апреле?!

– «Люблю грозу в конце апреля...» – продекламировал Вадим, переврав классика. – Элементарно, Ватсон. У нас в Закарпатье – обычное дело. Может, это я к вам привез такую моду!

И в самом деле: тучи, постепенно берущие в кольцо небо-свод, до обеда безупречно голубой, выглядели все подозрительнее. Но они не омрачили воскресного отдыха: этой па-

рочке, связанной затянувшимся служебным романом, и без того пора было собираться в обратный путь. Вадим непременно хотел поспеть на встречу с кандидатом в первые президенты России, которая должна была начаться в «Рубине» в пять. Ольга не разделяла этого энтузиазма: ее не волновала ни свобода, ни ее «глашатаи». А впрочем, в апреле девяносто первого ее вообще ничто не волновало – кроме того единственного дела, которое занимало все ее существо.

Нет, главный повод мажорному настроению Ольги Геннадьевны дала, конечно, не погода. Куда приятнее была долгожданная новость, которую сообщил ей Вадим: он наконец-то поговорил с женой насчет развода! Собственно, женщина, с которой он прожил больше двадцати лет, нажив двоих детей, давно перестала быть женой Вадиму Кривицкому. С тех самых пор, как полтора года назад в жизни сорокавосемилетнего инженера-конструктора появилась Ольга, его рыжая «лисичка-сестричка» с раскосыми янтарными глазами. Но только в прошедшую пятницу – непосредственно перед этим самым давно запланированным уик-эндом – все было окончательно решено на семейном совете: разбитого не склеить, разводу быть. Дети, слава Богу, взрослые: дочка замужем, сын заканчивает институт. Квартира остается, конечно же, матери с детьми, машина и недостроенная дача – отцу.

Само собой, Ольга Геннадьевна обрадовалась бы еще больше, узнай она, что бывшее семейство ее избранника решило в добровольном порядке освободить в ее пользу и

трехкомнатную заводскую квартиру. Но Ольга Жемчужникова, будущая Кривицкая, была не просто хищницей, а хищницей-реалисткой: она всегда знала, что возможно, а что – нет. И давно решила для себя, что жить они с Вадимом будут у нее на улице Комиссаржевской. Это единственный вариант. Вадим хоть и важная фигура на заводе – начальник КБ! – но вторую квартиру за три года работы не дадут и ему. Если, конечно, его высокопоставленный братец не похлопочет за «младшенького». Однако на это рассчитывать не приходится: этот чертов партократ, зануда-моралист, с самого начала горой встал на защиту «законного» брака. Как будто тот, который собирается заключить с Вадимом она, Ольга Жемчужникова, – незаконный! Ну ничего... Когда они поженятся, всесильному Герману Кривицкому волей-неволей придется обласкать новую невестку. Никуда не денется! Ведь он так любит своего братика Вадика, а Вадик любит ее, «лисичку-сестричку»...

Итак, Ольга понимала, что жить придется у нее. По крайней мере, на первых порах. Но тут неожиданно возникло новое препятствие! Вадим Кривицкий, похоже, был таким же неисправимым идеалистом, как и Феликс, ее первый супруг.

– Постой, Олюшка, а как же твой «пасынок», Борис? Ведь ему двадцать шесть, он завтра сам жену в дом приведет, а тут мы с тобой... Нет, по-хорошему, тебе самой надо бы отсюда уйти, освободить парню дорогу! Ну подумай: кто ты ему теперь, после смерти его отца? Даже некрасиво как-то полу-

чается: живешь под одной крышей с молодым одиноким мужиком... Кстати: он к тебе не пристаёт, а?! – И Вадик с шутовой подозрительностью заглянул ей в глаза.

Ольгу бросило в жар, но она и бровью не повела. Мужественно выдержала взгляд жениха.

– Кривицкий, как тебе не стыдно! Он же мальчишка! Не забывай, в свое время я заменила Борису мать. И ты еще спрашиваешь, кто я ему!..

– Не смейся. Мать она заменила... Ты же всего на каких-то двенадцать лет старше его!

– На тринадцать, но дело даже не в этом. Факт, что я его законная мачеха и имею на эту квартиру такие же права, как и Борька.

– Нет уж, лисичка-сестричка. Ты – еще туда-сюда, а я?.. Как хочешь, но я так не могу. Не хочу, чтобы он по гроб жизни меня ненавидел.

По такому показателю, как упрямство, Вадим значительно превосходил ее бывшего мужа – это Ольга давно уяснила. И потому временно отступила. А через пару месяцев как бы невзначай, между прочим, вернулась к трудной теме.

– Ты знаешь, Вадик, кажется, мой Борька женится!

– Ну вот, а я что тебе говорил?

– Да нет, все дело в том, что невесту-то он подцепил с квартирой! Кажется, у нее там одна мать в трехкомнатной, я точно не в курсе. Ты же знаешь, мы с Борисом сейчас не ладим... Но жить они намерены там, он сам сказал. Если так,

то это и для нас хорошая новость, верно?

– Ну, ты погоди, лисичка-сестричка: это еще, как говорят, вилами на воде писано. Он еще не женился и не переехал...

– Но если все-таки женится и переедет – тогда как? Вадим, не увиливай от ответа! Я устала встречаться с тобой на квартирах подруг, понимаешь?!

«Сама живи пока, с тобой я ничего по закону сделать не могу, – сказал как-то Борька. – Но если здесь появится кто-нибудь из твоих хахалей... Тогда пеняй на себя, поняла? Пока менты подоспеют, вам обоим уже понадобятся санитары». И Ольге Геннадьевне как-то не пришло в голову проверить – не пустая ли то угроза...

– Понимаю, Олюшка, как не понять. Думаешь, я сам не устал от такой жизни? Если в самом деле все так, как ты говоришь, тогда отчего же... Если он и правда выпишется и не будет претендовать на квартиру – в чем я, честно говоря, сомневаюсь... В общем, нужно будет с ним серьезно поговорить. Разумеется, не давить на парня. Если только он добровольно...

– Разумеется, дорогой. Предоставь это мне.

Этот разговор состоялся примерно за месяц до уже упомянутого судьбоносного совета в распавшейся семье Кривицких. И дней за десять до другого бурного объяснения – между двумя людьми, которых насмешница-судьба тоже связала общей фамилией и общей жилплощадью. Однако считать их одной семьей мог только такой «неисправимый идеалист»,

каким был покойный Феликс Михайлович Жемчужников.

Припомнив ту недавнюю сцену в квартире на улице Комиссаржевской, Ольга Геннадьевна невольно передернула плечами, словно от озноба. Второй раз в жизни она видела Борьку в бешенстве. Да что там видела: сама стала причиной и объектом его гневного припадка! Брр... Почти как тогда, когда погиб Феликс.

Жемчужникова инстинктивно потерла горло – настолько живо оно хранило ощущения, вызванные двухнедельной давности железной хваткой Бориса. Ощущения, прямо скажем, мало приятные! Могильные... Слава Богу, что на ней был свитер из ангорки с толстым воротником – только благодаря ему не осталось следов от пальцев этого негодяя. Пришлось бы тогда объясняться с Вадимом, а эти объяснения могли бы их завести о-ох как далеко...

Глядя на дорожный пейзаж сквозь стекло, испещренное дождевыми брызгами, штрихами и зигзагами, она думала о своем и едва слушала болтовню Вадима – о погоде и о политике, о видах на урожай и на будущее демократии.

Ольга Геннадьевна думала: до чего же несправедливо устроена жизнь! Ну почему она одним с самого рождения дает все, чего можно пожелать, и даже больше?! В то время как другим – которые ничуть не дурнее и не уродливее! – приходится когтями и зубами выцарапывать у судьбы каждую малость...

Угроздило же ее появиться на свет от простого шофера,

да еще в захудалом райцентре! Своим умом зарабатывать хороший аттестат, своим умом поступать в МГУ на экономический, потом подыскивать приличное место для распределения...

Примерно за год до ее появления на заводе овдовел главный инженер Жемчужников, и Ольга решила, что судьба таким образом явила ей наконец-то немного справедливости. Правда, кандидату в мужья было уже за сорок, и внешне он был далеко не Ален Делон, и удачью – не Бельмондо, и к тому же имел на иждивении сына-подростка... Но все это Ольга была согласна принять «в нагрузку» к несомненным достоинствам Феликса Михаловича: его зарплате и премиальным, квартире в центре города, даче в Сосновке и «Жигулям» новой модели. И, конечно, к его «блестящей» фамилии: она тоже сыграла далеко не последнюю роль. Ольга с детства злилась на собственную – «серенькую», неказистую. И стеснялась отцовского, «шоферского» имени: «Ольга Геннадьевна»... Тьфу! Звали бы ее Ольга Феликсовна – совсем другое дело.

Тут мысли Ольги Геннадьевны – мысли, десятки и сотни раз крутившиеся в ее рыжекудрой головке! – вновь вернулись к тому человеку, который как раз и носил отчество, казавшееся ей таким престижным, «не шоферским».

«Мерзавец, паршивый щенок! Неблагодарная тварь! Нет, он не посмеет разболтать Вадиму. Как? Они ведь даже не знакомы. Не пойдет же он специально на завод! И анонимку

писать не станет – нет-нет, Борька негодяй, но не настолько! Ничего он не сделает. Особенно теперь, когда я прижала его к стенке... Он мне за все заплатит! И за „шлюху“, и за „убийцу“, и за свои пальчики на моей шее. Все будет по-моему. Или женится на Люськиной дочке и пойдет к ним в примаки, или...»

Ольга Геннадьевна хищно усмехнулась.

– Ты что, лисичка-сестричка? О чем думаешь?

– Конечно, о тебе, милый. О ком же мне еще думать!

– Ах, так это, значит, ты надо мной смеешься?!

– А разве нет повода? Вот ты жалуешься, что опять «дворники» заело, а сам их даже не включил!

Если она сейчас и кривила душой, то самую малость. Ольга Жемчужникова действительно думала теперь о своем женихе. И посмеивалась – тоже над ним: снисходительно, как посмеиваются над наивностью ребенка, чьи реакции вполне предсказуемы. Ну, а если даже Борька доберется до Вадима и расскажет ему все – что тогда? Неужели она не сумеет убедительно изобразить праведный гнев? Оскорбленную добродетель приемной матери, которую неблагодарный пасынок – из ревности или шкурных побуждений – обвиняет во всех смертных грехах?! Неужели Вадик поверит какому-то мальчишке, а не ей, ради которой он бросил семью, не побоялся ни парткома, ни обкома, ни «общественного мнения»?..

Ерунда. Полная чушь! Конечно же, Вадим поверит ей. Потому что он, в силу своей идеалистической натуры, просто

не сможет поверить в то, что услышит от этого щенка. Потому что у того нет доказательств! Единственную улику – ту фотографию с двусмысленной надписью, которую она сдуру подарила Борьке перед его уходом в армию и про которую они оба забыли, – уничтожила эта ненормальная девчонка, что крутила с Борисом последние года полтора.

Правда, и улика-то была не улика, а так... «Моему любимому сыночку и мужу от мамочки». Ну и что такого? Прочти эту дарственную кто-нибудь посторонний – подумали бы, что снимок предназначался одновременно для сына и его отца, и только. Ольга специально так выпендрилась, чтоб истинный смысл был понятен только Борьке и больше никому. Тогда им обоим было приятно лишний раз пощекотать себе нервишки. И действительно: сколько народу видело эту фотку, но никто ничегошеньки не заподозрил! Даже Феликс...

Но ведь эта девчонка из провинции – Александра или как ее там – почему-то сразу поняла все! Сразу, как только откопала ту фотографию среди старого хлама в Борькиной комнате... Просто удивительно! Слава Богу, что эта влюбленная студенточка тогда изодрала снимок на мелкие клочки. Раз она догадалась – мог бы и Вадик поверить. Фу ты, не приведи Господи!

Ольга Геннадьевна припомнила еще один эпизод своей биографии, связанный со студенточкой из Звенигорска. Потом ей вспомнились другие мгновения – более приятные. Вспомнилось то давнее субботнее утро на жемчужниковской

даче в Сосновке...

Феликс, как всегда по выходным, торчал на заводе допоздна, его ждали только к вечеру. Ольга, которой недавно исполнилось двадцать девять, была замужем за главным инженером уже пятый год – срок вполне достаточный, чтобы в ее точном теле возникла острая, сосущая жажда новых ощущений. Собираясь на озеро, она задумчиво наблюдала из окошка, как ее ладно скроенный пасынок подтягивается на самодельном турнике. Насчитала раз тридцать – и сбилась.

Уже давно она с интересом – и не без удивления – присматривалась к подростку Борьке. Тот за целый день, бывало, ни слова не скажет своей молодой мачехе, кроме хмурого «здрасте». Но ее опытный глаз все чаще подмечал, как при малейшей женской вольности с ее стороны штаны у парня предательски встают «палаткой»...

Пухлые капризные губки Ольги Геннадьевны тронула игривая улыбка. Она приняла решение. А почему нет?

«Сынок» оказался таким способным учеником, что «мачочка» только удивлялась. Но не огорчалась, о нет! За все шесть лет их близости – с перерывом на Борькину армию – у Ольги Геннадьевны не было повода обидеться на своего пасынка в постели. И вот однажды, таким же летним субботним утром, безоблачным и многообещающим, все разом кончилось... Ее «двоемужество», прочное материальное положение, машина и даже дача. Дачу пришлось продать: ни Борька, ни она сама не могли после всего случившегося бы-

вать в Сосновке.

В тот роковой день Феликса тоже ждали под вечер, как обычно. А его, на грех, принесло в неурочный час! Надо же: бедняга ни о чем не догадывался, пока своими глазами не увидел свою жену и сына, так сказать, при исполнении. Они так увлеклись, что даже не слышали, как подъехала машина... Не мудрено, что обманутый муж и отец отреагировал неадекватно: как полоумный прыгнул в «Жигули» и помчался не разбирая дороги. А тут – сердечный приступ...

«Да, скверно все вышло с Феликсом. Роковое стечение роковых обстоятельств!»

А с другой стороны... Если б не это «роковое стечение» – как бы все они выбрались из патовой ситуации? Развод, только развод! И пришлось бы ей, Оле Жемчужниковой, начинать свою борьбу с нуля. За все – кроме разве что фамилии...

После похорон Феликса Михайловича пасынок удостаивал ее лишь холодным презрением. Ольга бесилась, но в конце концов ей пришлось смириться. Настолько, что она стала думать: такова ее карма. «Мы разошлись, как в море корабли...» Что ж, еще не вечер. Ей тогда было только тридцать пять. А не заглядывать в паспорт, так больше четвертака не дашь. Она еще очень, очень недурна, и она просто обязана позаботиться о себе! У нее все получится. А этот сопливый ублюдок, возомнивший себя суперменом, пусть катится ко всем чертям! В конце концов, он не единственный мужик на

свете. реалистка!

Когда городские окраины сменились величественными зданиями Плехановской, большая часть которой была застроена после войны в стиле «социалистический ампир», над крышей Вадимовой «Лады» впервые полыхнуло, а потом и крепко гроыхнуло. Будто испугавшись, дождь на несколько мгновений притих, а потом с новой силой обрушился на город. Редкие прохожие на тротуарах помчались бегом под зонтами-парусами, наполненными бурей.

– Ну вот тебе и гроза, лисичка-сестричка! Что я говорил? Ч-черт, какая пробка... Наверное, что-то там с трамваем впереди.

Кривицкий озабоченно взглянул на часы.

– Ладно, Вадик, высади меня здесь, – милостиво разрешила Ольга Геннадьевна. – Тебе же сейчас направо. А то потом не пробьешься обратно, еще полчаса потеряешь.

– Ну что ты, Олюшка: льет как из ведра! Промокнешь!

– Это за полквартала-то? Не бойся, растаять не успею: кое-что тебе останется!

Она игриво провела ладонью по его бедру – от колена к паху, и Вадим судорожно вцепился в руль сразу ослабевшими руками.

– Прижмись поближе к тротуару, я выскочу. – Ольга достала из сумки зонт и чмокнула любовника в щеку. – Чао, милый, до завтра! Спасибо за чудесный уик-энд.

«Какая женщина! – смятенно думал Вадим, провожая глазами изящную фигурку под розовым зонтиком.

Когда Ольга Геннадьевна, бегом преодолев свои полквартала, вскочила в просторный подъезд, выложенный кафельной плиткой, ее текстильные полукеды были мокры насквозь, а с ветровки и брюк – не говоря уж про зонт – ручьями стекала вода. Снаружи бушевала настоящая гроза с ливнем. А здесь, за двойными дверями подъезда, стихия отдавалась лишь слабым шумом дождя и редкими приглушенными раскатами. Каждый шаг, каждое движение рождали гулкое эхо. Было пустынно, таинственно и совершенно темно – как ночью. Разумеется, никто из соседей не догадался включить свет: ведь из-за грозы стемнело среди бела дня!

Чертыхаясь и отфыркиваясь, Ольга Геннадьевна пошарила сбоку на стене, щелкнула кнопкой выключателя, но светлее не стало. Вот дьявол! Наверное, пацаны опять лампочку выкрутили. Или из-за грозы что-то с электричеством?.. Этого еще не хватало!

А, черт с ним, с этим светом! Не так уж тут и темно – разве у самой двери... Не споткнется же она, в самом деле! Осторожно выбрасывая вперед ноги, Ольга преодолела широкий лестничный пролет – самый первый. Здесь действительно было посветлее: сквозь пыльное окошко на лестницу проникал сумрачный свет, размытый потоками дождя.

В этот миг ослепительная вспышка молнии на доли секунды выхватила из мрака каждую трещинку в ступеньках,

каждую букву «настенной росписи»... Вслед за этим грохнуло так, как если бы снаружи обрушилась на землю вся Вселенная. Скорее! Скорей к себе, на четвертый этаж, укрыться от этой ужасной стихии... Почему-то этот всегда сумрачный, но такой знакомый подъезд, в который она ежедневно заходит столько лет подряд, сегодня вызывал у Ольги Геннадьевны смутную, необъяснимую тревогу. Какое-то противное сердечное дрожание... Вот что значит – гроза! Пожалуй, лучше все-таки, чтобы Борька оказался дома...

Но его не было. В квартире, которую ей пришлось отпирать всеми тремя ключами, было почти так же, как в подъезде: темно, сыро и абсолютно тихо – если не считать светопреобразования за окнами. Ольга нажала спиной на тяжелую старинную дверь из натурального дерева, услышала, как слабо щелкнула собачка английского замка, и неуверенно позвала: – Борис?..

В ответ, как и следовало ожидать, не раздалось ни звука. Вдохнув – не то разочарованно, не то, наоборот, с облегчением, – хозяйка щелкнула выключателем в прихожей. Слава Богу, со светом все в порядке! Лампочка под круглым матовым плафоном едва заметно моргала, но в квартире сразу стало уютнее. «И где его только носит в такую грозищу, Господи?..» А, черт с ним. Пора ей привыкать к тому, что скоро Борьки здесь совсем не будет. Между ними все уже выяснено, точка! Скоро здесь, на этих тридцати восьми квадратных метрах, воцарится Вадик Кривицкий – окончательно и бес-

поворотом. Уж тогда-то у нее всегда будет рядом надежное плечо, где можно спрятать испуганное личико от грозы.

Пристроив раскрытый зонт у самой двери, Ольга Геннадьевна расшнуровала и с отвращением сбросила с себя мокрые кроссовки, стряхнула с плеч куртку. Сунула ноги в теплые домашние тапочки и обошла всю квартиру – удостовериться, что Бориса действительно нет дома. Заглянула в его комнату, прошла на кухню, где на подоконник сквозь двойную раму протекла дождевая лужа, даже проверила зачем-то ванную и туалет... В ванной она задержалась: открыла оба крана, отрегулировала струю так, чтобы та была толстой и достаточно горячей, и заткнула пробкой белоснежную никелированную емкость.

В этот момент резкий телефонный звонок прорезал шум воды за окном и в квартире, и женщина от неожиданности вздрогнула.

– Алло?... Алло, вас слушают!.. Да говорите же, черт возьми!

В трубке явно чувствовалась жизнь, но она не проявила себя ни единым словом. Потом раздался щелчок, и Жемчужникова услышала короткие гудки. Она с ожесточением швырнула трубку на рычаг: «Придурок!» Наверное, какой-то идиот понял, что не туда попал, и решил не затруднять себя извинениями.

Ольга Геннадьевна прошла к себе в комнату, открыла створку шифоньера – так, чтобы видеть себя в большом зер-

кале, – и стала раздеваться. Стянула влажные, прилипшие к телу джинсы, не спеша расстегнула батник, сняла черный полупрозрачный французский лифчик – недавний подарок Вадима. Вадик, бедняга, просто «тащится» от черного белья, с ума сходит... впрочем, Борька тоже. Последними пали маленькие трусики – того же цвета и той же кондиции, что и «анжелика».

Еще несколько минут она деловито обследовала свою обнаженную фигуру на предмет загара, потом достала с полки чистое белье и отправилась в ванную. «Что-то затянулась эта проклятая гроза... Просто невероятно, до чего долго длится!»

По давней своей привычке Ольга Геннадьевна, отправляясь в ванную, прихватила с собой телефон: так она поступала всегда, когда оставалась в квартире одна. Ведь она любит плескаться долго, а вдруг в это время позвонит кто-нибудь важный и нужный?.. В этот раз привычка пришлась кстати: не успела рыжекудрая русалка занести ножку над краем ванны, как телефон опять затрезвонил. Чертыхнувшись, Ольга потянулась к нему.

– Алло, здравствуйте, – услышала она сквозь шум льющейся воды далекий женский голос. – Я могу поговорить с Борисом?

Этот голос она никогда не слышала.

– Его нет дома! – рявкнула Ольга Жемчужникова, которая вовсе не собиралась быть любезной с Борькиными девками.

– А когда он появится?

– Понятия не имею, он мне не докладывается.

Она хотела уже швырнуть трубку, но трубка неожиданно возвысила голос, заторопилась.

– Простите, я бы тогда хотела... Ведь это его... это Ольга Геннадьевна, да?

– Вы очень догадливы. А вы кто, собственно?

– Я Александра. Саша Александрова... Я понимаю, это не то имя, которое... которое способно вызвать радость у вас в голосе, но только... Мне надо с вами поговорить!

– А мне с вами – не надо! – Ольга Геннадьевна даже задохнулась от такой наглости. – Честно говоря, совершенно не представляю, о чем мы с вами можем беседовать. После всего...

– О Борисе, – твердо ответила трубка.

– Ну нет, эта тема меня больше не интересует. Всего хорошего, маленькая бесстыдница!

– Постойте, минуточку! Пожалуйста, мне очень нужно! Можно мне сейчас зайти к вам, ненадолго? Вы не волнуйтесь, я только...

– Ах, вот даже как?! Еще чего не хватало... «Не волнуйтесь»! Да с какой стати я буду волноваться у себя дома?! Я тебя просто не впущу, вот и все! И вообще, – Ольга Геннадьевна перешла на визг, – я занята, понятно? Оставьте меня в покое! Я не желаю ни видеть вас, ни говорить с вами!

Жемчужникова наконец-то бросила трубку. Хамка бес-

стыжая, она еще звонит сюда! Да еще после того, как Борька дал ей отставку!

Дрожание лампочки под потолком и отдаленный раскат грома очень убедительно проиллюстрировали праведный гнев голой фурии. Ольга Геннадьевна осторожно попробовала ногой воду в ванне, которая все еще наполнялась: ага, нормально. Сейчас она заберется в эту теплую купель, расслабится и успокоится. Будет думать о Вадиме!

Она поставила в ванну одну ногу, потом вторую. И тут только вспомнила, что наружная дверь закрыта на одну «собачку». Ну да ладно, не вылезать же теперь... Черт! Это, оказывается, еще не все, что она позабыла – из-за этого отвратительного звонка. Пена для ванны!

Ольга Геннадьевна обернулась, потянулась к полочке за любимым лавандовым ароматом. В это время ее левая рука инстинктивно ухватилась за змеевик уже отключенного отопления, проходящий по задней стенке ванной: очень удобно держаться, когда садишься и встаешь. Ольга Жемчужникова всегда боялась поскользнуться в своей сверкающей ванне...

И тут произошло невероятное, немыслимое! Молния с ужасающим треском пробила крышу, ворвалась в это уютное царство белоснежной сантехники и голубого кафеля, прошла сквозь Ольгу Геннадьевну и ее наполненную водой ванну. Она еще успела увидеть, как все это – и кафель, и ванна, и она сама! – вспыхнули ослепительным синеватым светом,

мертвым светом. Успела ощутить, как волосы у нее встали дыбом, глаза вылезли из орбит, и кровь закипает в жилах... Она кричала – так, что лопались связки, – но не слышала своего крика.

Потом Ольга Геннадьевна почувствовала, что молния выходит из нее через сердце. «Наконец-то...» Свет погас, и больше не было ничего.

– ... Девушка, вы скоро?! Дайте позвонить товарищу по несчастью!

Саша Александрова медленно повесила телефонную трубку, злобно пищавшую ей в ухо короткими гудками. Медленно отошла от автомата, машинально отжала свой слипшийся сосульками «конский хвост», который сочился водой словно плохо закрытый кран. Потом прислонилась лбом к стеклу.

«Что дальше?..»

Там, на Плехановской, по которой она бежала еще десять минут назад, бушевал вселенский потоп. Одежда была не в лучшем состоянии, чем волосы, но девушка этого не замечала. Даже на щеках у ней до сих пор не просохли крупные капли дождя. Впрочем, если б кому-нибудь пришла фантазия попробовать их на вкус, он бы удивился: эти капли были соленые.

Справа и слева от нее, и сзади, и кругом разговаривали люди, смеялись, восторженными воплями приветствовали каждую вспышку молнии и каждый громовой раскат. В тесный «предбанник» магазина «Океан» набилось не меньше трех десятков Сашиных товарищей по несчастью, так же как она застигнутых врасплох воскресной апрельской грозой.

Александра усмехнулась сквозь слезы. «Эх, знал бы ты,

родненький, мои несчастья...»

А ведь еще год назад – всего только год! – она была так счастлива, и ничто тогда не предвещало грозы... Подперев мокрое лицо ладонями – чтобы никто не видел ее слез, – Александра вспоминала весь этот последний год своей жизни. Сценка за сценкой, эпизод за эпизодом...

Она вспомнила такие же апрельские дни, их с Борькой «медовый месяц» у него в квартире. Когда его мачеха изволила отбыть в Москву – тогда еще Саша и помыслить не могла, что эта женщина может быть Борису кем-то еще, кроме нелюбимой мачехи. «Месяц» был длиною всего в одну неделю, но ей тогда показалось, что она стала старше и опытней на целые годы. Наверное, так оно и было на самом деле.

С самой первой ночи Борька не делал почти никаких скидок на ее неопытность и стыдливость. Только снисходительно объяснял, что к чему, когда Саша оказывалась слишком уж непонятливой. Впрочем, его снисходительность была лишь верхушкой такого айсберга страсти, что девушка заранее прощала ему все «учительские замашки». Многие Борькины сексуальные эксперименты казались ей слишком смелыми, а его требования – нахальными; его опытность очаровывала и немножко пугала, но не вызвала у Саши никаких сомнений. Она была уверена, что все это должно делаться именно так и не иначе: Борька лучше знает! Он вообще знает все и все умеет.

В первый же день сотворения ее нового мира Борис поса-

дил ее к себе на колени и задал такой вопрос, от которого она просто чуть не провалилась сквозь землю. Потом вышел в другую комнату и вскоре вернулся с какими-то таблетками и мазями. Не обращая внимания на ее попытки возмутиться, очень подробно объяснил, как всем этим пользоваться.

– Глупенькая, мы же с тобой хотим получать удовольствие, а не проблемы! Ты можешь забеременеть, понимаешь? А это гораздо безопаснее, чем аборт.

Как ни странно, за всеми переживаниями последних дней Александра совсем упустила из виду возможные последствия интимной близости и потому растерялась. А когда пришла в себя, то сильно удивилась.

– О чем ты говоришь, Борька?! Ведь у нас все равно должны быть дети, правда? При чем же тогда аборт?

– Конечно, будут, Шурик, но не сейчас же! Надо сперва институт закончить – мне, по крайней мере. Устроиться в жизни... Да и ты у меня еще слишком маленькая! – Борис нежно щелкнул девушку по носу. – Погуляй пока...

Конечно, он был прав – как всегда.

Все началось прошедшей зимой, незадолго до нового, тысяча девятьсот девяносто первого года. Вернее, началось-то гораздо раньше – летом, только вот Александра узнала обо всем лишь спустя месяцы. Да и то по воле слепого случая! Если бы она в тот день не пошла в областную научную библиотеку – посмотреть редкую литературу для реферата, которой не оказалось в университетской «научке», – может, и

до сих пор не ведала бы, что она у Бориса Феликсовича вовсе не единственная «яркая брюнетка». Не только в прошлом, но и в самом что ни есть настоящем!

Саше вспомнилась очередь за творожными сырками в библиотечном буфете, спины двух девиц, стоявших перед нею. Одна из них рассказывала подружке о своих сердечных делах, в том числе и о некоем Борьке Жемчужникове:

– Помнишь того парня, с которым у меня было летом... Ну, в «Каравелле»? Я тебе говорила... Ну да, а теперь появился! Недели две назад нашел меня на репетиции в студии, представляешь? Я обалдела! – девица чуть понизила свой хорошо поставленный голос. – Ну, и прямо из клуба потащил в какую-то пустую хату в Юго-Западном... Представляешь?!

Борька Жемчужников! Красивая фамилия... Да если б даже было сказано только это – и то совпадение исключалось: слишком яркое сочетание! Это ж не какой-нибудь там Петя Иванов... Но были еще и «Каравелла», и «пустая хата» в Юго-Западном районе – квартира Борькиного одноклассника, уехавшего за большими деньгами на Север, квартира, в которой она сама бывала столько раз...

– Не реви! – приказала Маринка, влив в нее рюмку «трофейного» коньяка и уложив в постель. (Обе девчонки уже жили в общежитии). – Я знала про этот «медицинский роман». Не знала только, что пошел рецидив.

– Как – знала?! – задыхнулась Саша. – Да как ты... А еще подруга! Ты почему ничего мне не сказала?!!

– Ты на меня свои зеленые глазоньки не таращи, а лучше мозгами поработай. Я тебя предупреждала, что твой Борька гад и бабник? Предупреждала. Что ты мне ответила? Не суйся, мол, Мелешкина, не твоего ума дело. Разве не так?

Александра рыдала, уткнувшись в подушку. Возразить было нечего.

– Вот сказала б я тебе, Сашка, – и что дальше? Поверила бы ты мне? Да ни в жизнь! Решила бы, что я опять качу бочку на твоего чудесного Бореньку, и я бы стала врагом номер один... Ладно, прости меня, дурочку, слышишь? Говорю же – не знала, что он опять с этой медичкой таскается. Думала, все в прошлом, так зачем тебе зря переживать...

И Мелешкина рассказала, что эту самую Светку штаб прислал на замену неожиданно заболевшего «судового врача» «Каравеллы». Пробыла она на позициях недолго – что-то около двух недель, однако успела наделать шума среди команды... В этот раз Борька был гораздо осторожнее, чем два года назад в колхозе, и все-таки «медицинский роман» не заметили разве самые безнадежные лохи.

– Ты б давно уже и сама узнала. Да только стройотрядовцы – народ не болтливый, потому и не было утечки, – закончила Маринка. И отрубилась: – Если ты простишь этого козла, то нашей дружбе конец, так и знай!

Саша торжественно поклялась не прощать. Тем же вечером Борька молча выслушал ее пламенную отповедь на пустынной аллее парка. Его тонкие губы кривились в усмешке,

а темно-серые глаза смотрели в сторону.

– Ну что ж... Возразить мне нечего: ты кругом права, Шурик. Оправдываться глупо, просить прощения – пошло. Я тебе сказал, что со Светкой покончено. Но если ты решила, давай разойдемся как в море корабли. Пока!

И, повернувшись, он быстро зашагал прочь между двумя рядами заснеженных скамеек.

Тогда Александра целых четыре дня пыталась привыкнуть к новой жизни. Вернее, к ее отсутствию: ей казалось, что жизнь кончилась. А на пятый день Жемчужников с помощью предателя Фили заманил девушку в пустую аудиторию, запер дверь на стул, упал ей в ноги – в буквальном смысле – и не отпускал до тех пор, пока та не простила. Маринка жутко ругалась, но и она не сдержала данное слово...

Потом почти полтора месяца Борька был очень похож на того «ангела-хранителя», который в прошлом году обхаживал наивную первокурсницу Сашу Александрову. Только встречались они теперь реже: он ссылался на профессиональные дела, на то, что занят поисками предстоящей работы – «доходного места». По этой же причине стал чаще пропускать занятия, иногда Александра не видела его по два-три дня... Маринка многозначительно смотрела на подругу и шумно вздыхала, но Саша делала вид, что ничего этого не замечает.

Они вместе встретили Новый год, пили шампанское за «наше счастье» и даже поговорили о своей свадьбе – отло-

женной, правда, на неопределенный срок. Успокоенная, Саша сдала зимнюю сессию как и подобало студентке-отличнице и на короткие каникулы в Звенигорск уехала почти что счастливая.

А потом... Потом все сразу полетело в тартарары – покой, счастье, любовь...

После их «медовой недели» то был второй раз, когда Саша снова очутилась в квартире на улице Комиссаржевской: прошел почти год! Ольга Геннадьевна, которую она знала только понаслышке и с которой вовсе не стремилась познакомиться лично, уехала с ночевкой на заводскую турбазу – праздновать восьмое марта. Ожидая Бориса Феликсовича из ванной, «Шурик» от нечего делать стала перебирать пожелтевшие черно-белые снимки, как попало сваленные в картонную коробку. Вот крошечный Борька в детской кроватке, улыбается... Борька на трехколесном велосипеде, чуть постарше... Борька с мамой и папой, наверное, на даче... Пардон, а это кто?..

Александра смотрела на большой, весьма профессионально выполненный портрет молодой женщины, кокетливо опершейся подбородком на сцепленные кисти рук. Если бы не прическа – длинные распущенные волосы в мелких кудряшках, – она была бы очень похожа на кинозвезду Лолиту Торес. И если бы не взгляд... Что-то было отталкивающее в этих выразительных, чуть-чуть раскосых, сильно накрашенных глазах.

Саша озадаченно перевернула снимок и прочла надпись, выведенную мелким «кудрявым» почерком: «Моему любимому сыночку и мужу от мамочки». Ниже стояла дата – 25 мая 1982 года. Девушка быстро сопоставила: в марте Борьке исполнилось восемнадцать, значит, эту фотку ему подарили перед самым призывом. Мачеха?.. Ну конечно, других вариантов быть не может. «Любимому сыночку», хм... То, что Борька был когда-то у Ольги Геннадьевны «любимым сыночком», стало для Саши откровением. Он рассказывал совсем другое. И, главное, почему «сыночку и мужу», почему она подарила им один снимок на двоих? Да еще накануне проводов в армию... Странно как-то!

– Что это ты там рассматриваешь?

Борис стоял на пороге комнаты, вытирая полотенцем мокрые вихры.

– Борька, кто это? Твоя Ольга Геннадьевна? Боже, какая трогательная дарственная! Оказывается, вы с ней не всегда были врагами, а?

Она встретила глазами со своим парнем – и увидела, как его взгляд скользнул мимо нее на снимок, потом метнулся вбок и, описав полный круг по стенам и потолку, наконец-то достиг Александры. Все это длилось доли секунды, но их оказалось достаточно. Мгновенное Борькино замешательство стало тем толчком, от которого в голове девушки проснулась страшная догадка.

Жемчужников холодно усмехнулся – он уже взял себя в

руки.

– Это моя новая «мамочка» пыталась выдать желаемое за действительное. Где ты это откопала? Дай сюда!

Он приблизился и протянул руку, но Саша кошачьим прыжком перебралась на другую сторону софы. Широко распахнутыми зелеными глазами она смотрела в лицо женщины, которая нашла «два в одном». Теперь Александра поняла, что ей не понравилось в этом взгляде: то был взгляд проститутки, нацелившейся на клиента.

– Борька, ты... Ты – с ней?! – Она ошарашенно переводила глаза с портрета на того, кому он предназначался. – Нет, это невозможно!

– Дура ненормальная, что ты несешь?!

Отшвырнув полотенце, Жемчужников перемахнул через софу и зажал Сашу в углу. Она увидела его глаза: они были сейчас совсем белые от бешенства. Он вцепился в снимок, пытаясь выхватить его из рук девушки, но та держала крепко, и артистически-проститутская мордашка Ольги Геннадьевны мгновенно оказалась разодранной на две неравные части.

– Значит, это правда... Ты был ее любовником! Иначе ты бы так не взбесился. Впрочем, почему – был? Может быть, и сейчас...

Саша обессиленно уронила руку с рваным куском фотографии. Борис злобно скомкал в кулаке свою половину – ему досталась меньшая – и зашвырнул бумажный комочек

в дальний угол комнаты. В бессильной ярости поискал глазами – что бы такое еще скомкать и зашвырнуть – и остановился на Александре.

– Да, правда! Правда! Ты этого хотела? Ну, получай свою правду! Правдоискательница... Это было правдой пять лет назад, но тебе ведь на это наплевать! Тебе непременно надо перетрясти все грязное белье, всех выпотрошить и вывернуть наизнанку, всех сделать несчастными! И себя – себя в первую очередь. Неужели тебе было плохо со мной без этой долбаной правды?! Чего тебе не хватало – внимания? Ласки, секса? Может быть, денег, подарков? Чего?! Ну, так я расскажу тебе всю правду, до конца. Как эта сука положила на меня глаз, когда я был совсем пацаном, и затащила в постель, и приучила меня к себе... Как все эти годы я ненавидел и ее, и отца, и себя, ненавидел – и трахал, понимаешь?!

Это уже была истерика.

– Трахал, потому что не мог остановиться... И вот теперь еще вынужден жить с ней под одной крышей – с ней, которая каждую секунду напоминает мне, какое я дерьмо! Да, я, Борька Жемчужников, – дерьмо! А ведь я так хотел стать героем... Твоим героем, Шурик! Ну что, стало тебе легче от моей правды?! Может быть, еще сильнее полюбишь меня за муки? А я тебя – за состраданье к ним...

– Я тебя ненавижу, Жемчужников. Не-на-ви-жу!

Мелкие клочки фотобумаги полетели в свежевывытую физиономию несостоявшегося героя...

Она не помнит, как тогда добралась до общежития; кажется, на каком-то перекрестке ее чуть не переехал трамвай. В комнате никого не было. Маринка с чистой совестью гуляла в какой-то компании со своим Мишей (к тому времени он уже успел стать ее «лечащим врачом»), остальные девчонки тоже где-то носились: восьмое марта! Александра не стала рыдать и не стала глотать снотворные таблетки, чтобы покончить счеты с жизнью: ей такое просто не могло прийти в голову. Тем более что у нее еще оставалось важное дело. Она села за стол и написала письмо Ольге Геннадьевне Жемчужниковой – письмо на четырех тетрадных страницах мелким почерком. Она высказала ей все, что о ней думает.

Борис появился в университете только на третий день. Когда он решительно приблизился к Саше прямо вниз, в раздевалке, он был совсем спокоен – только очень бледен и сильно отдавал перегаром, которого не смогла забить никакая мятная жвачка. Девушка изумилась: такого с ним еще не было, как спортсмен Жемчужников пил очень мало.

– Ты и правда очень странная, Александра. Гораздо более странная, чем я думал вначале. Ты просто ненормальная! Ну зачем ты ей написала? Чего ты хотела этим добиться? Вызвать у Ольги угрызения совести, заставить ее посыпать голову пеплом и уйти в монастырь? Или сделать мою жизнь еще более хреновой?.. Что ж, считай, что второе у тебя получилось!

Его глуховатый голос сейчас звучал совсем глухо. Это был

голос чужого человека. И он никогда раньше не называл ее Александрой.

– Это все, что ты хотел мне сказать?

– Нет, не все...

И Борис добавил те самые слова. Про то, что они, наверное, ошибались, и теперь надо расстаться – «на время». Потом повернулся и твердым спортивным шагом двинулся к лестнице. Саша смотрела ему вслед и думала, что у Борьки плоховато с логикой. Если он считает, что принял за любовь что-то другое, то почему тогда – на время? Нет, она знала: он уходит навсегда.

Вот и все. «Извини, Шурик».

Простить его она не могла. Но и ненависть – вполне искренняя в тот празднично-траурный вечер! – оказалась недолгой. Саша не перестала любить этого типа тогда, когда он изменял ей, не перестала и теперь – когда узнала, что он изменял собственному отцу с собственной мачехой. Наверное, она вообще не сможет разлюбить Бориса! Это невероятное открытие потрясло девушку и выбило ее из колеи гораздо сильнее, чем сам разрыв с Жемчужниковым. До сих пор Александре казалась надуманной и глупой расхожая сентенция, что любят, мол, ни за что – просто так. Как это – «просто так»?! Она, например, совершенно четко знала, за что она полюбила Борьку. Точно так же, как теперь знала, за что должна его разлюбить! Только любовь почему-то оказалась сильнее этого «должна»...

А спустя месяц покинутая Александра с ужасом убедилась в том, что Жемчужников оставил ей еще одну «проблему» – ту самую, которую он так не хотел иметь. Она была беременна.

...Кто-то случайно толкнул ее локтем, и она очнулась от своей спячки наяву. Гроза, кажется, пошла на убыль, но дождь – еще нет. Давка между двойными дверями магазина, где висел телефон-автомат, только усилилась, и духота стояла невыносимая.

Александра взглянула на часы: невероятно! Прошло только восемь минут с тех пор, как она беседовала с Ольгой Геннадьевной. Всего же того, что она за это время прокрутила перед своим мысленным взором, с лихвой хватило бы на восемь лет.

«Ну зачем ты звонила туда, дуреха?! Ненормальная, совсем ненормальная – Борька прав! Все уже ясно, точки над „і“ расставлены. За полтора месяца он не сделал ни одной попытки помириться. Что ты хотела ему сказать? Растрогать известием, что он станет папочкой? Умолять его жениться на тебе или кланчить денег на аборт? Тьфу ты...»

Сашу даже передернуло – настолько мерзкие вещи говорил сейчас ее внутренний голос. Нет, она не собиралась ни о чем просить. Она только хотела исполнить свой долг – сообщить будущему отцу о ребенке. Ведь, отказываясь от нее, Борька ничего не знал о ее положении! Во всяком случае, он должен стать первым, кто о нем узнает. А там – пусть сам

решает, что ему делать.

Она уже не надеялась, что Борис возьмет на себя все эти проблемы. Но еще верила: он поможет их разрешить. Надо только поскорее сказать ему, не носить это в себе, а то так можно сойти с ума! Конец семестра уже пошел наперекосяк, а ведь на носу сессия...

В конце концов она не придумала ничего лучше, как позвонить Борьке домой по телефону. Спокойным голосом передать ему свое сообщение и повесить трубку – вот и все. Так он не будет видеть ее глаза. Так она выиграет время, чтобы подготовиться к его реакции, о которой Саша боялась даже думать.

Ну, а сейчас просто все совпало: воскресный вечер, когда Борька – так она наивно полагала! – должен сидеть дома, гроза с ливнем, телефон-автомат, возле которого она случайно оказалась, застигнутая стихией. И одиночество, безумное одиночество в толпе людей, равнодушно толкающих ее локтями... Нет, она просто не могла не позвонить Борису именно теперь!

Но зачем, черт возьми, она стала разговаривать с этой женщиной?! Почему не бросила трубку, как только услышала ее голос, зачем выдумала эту чушь, что ей надо поговорить с Ольгой Геннадьевной? Да еще и очень надо?! Будто черт дернул за язык, честное слово... В самом деле – о чем им говорить? Все, что Александра хотела сказать Ольге Жемчужниковой, она уже высказала ей в том письме без обрат-

ного адреса, с одной подписью. В письме, о котором, кстати сказать, нисколько не жалела.

«Так нет же! Я с ней все равно поговорю! Я посмотрю ей в глаза, я должна... Это из-за нее, рыжей гадины, случилось то, что случилось, это она околдовала Борьку, отворотила от меня! Он, наверное, и сейчас еще спит с ней, старые привычки нелегко забываются... Очень даже хорошо, что Борьки нет дома! Через пять минут я буду там. Скажу, что телеграмма... Она мне откроет, в двери нет глазка... Она не подумает, что это я. Я ее убью!»

Перед знакомой дверью на четвертом, последнем этаже – внушительной дверью, выкрашенной блестящей красно-коричневой эмалью, с прикрученной к ней медной цифрой «41», – Саша остановилась перевести дух. У ее ног, на резиновом коврике, тут же образовалась небольшая лужица: ведь у нее даже зонта с собой не было! Какой умник, уходя из дома в ясное апрельское воскресенье, догадается взять зонтик?

Впервые до Александры дошло все безумие ее затеи. Одному Богу известно, чем может кончиться это рискованное мероприятие: ведь она собирается, ни много ни мало, вторгнуться в чужую квартиру, где ее никто не ждет – и это еще мягко сказано... От такой особы, как эта самая Ольга Геннадьевна, можно ожидать всего, вплоть до вызова милиции. А главное – зачем? Какого, собственно, она ждет результата от этого недружественного визита?..

«Если не знаешь, что делать – делай шаг вперед!» Главная заповедь философии каратэ, ее часто повторяет Борька. «Повторял...» – поправила она сама себя, будто речь шла об умершем. Тяжело вздохнув – будь что будет! – Александра решительно протянула руку к кнопке электрического звонка.

Две короткие энергичные трели отозвались эхом внутри квартиры. Саша прочистила горло, приготовившись изобра-

зить казенный голос разносчицы телеграмм. Однако за коричневой дверью не раздалось никаких звуков, свидетельствующих о том, что ее собираются открыть. То есть вообще никаких звуков. Саша снова позвонила, а потом еще.

«Вот те раз! Что она там – уснула, что ли?»

Озадаченная, Александра прислушалась, приложив ухо к двери. Ей почудилось... да нет, она явственно услышала в глубине квартиры глухой шум воды. «Все ясно: она принимает ванну. То-то, когда я с ней говорила, мне почудился шум воды... Вот черт!»

Такой поворот не входил в Сашины планы. Она была настроена решительно и собиралась довести задуманное до конца. Неужели же просто так повернуться и уйти с позором – и только из-за того, что этой стерве-бабе не вовремя вздумалось поплескаться в ванне!

«Уходи ты отсюда, Сашка! Уходи, пока не поздно! Брось эту глупую авантюру!» Но, упрямо отмахнувшись от внутреннего голоса, она не двинулась с места. Внимание девушки привлек стук двери с косяком: ей показалось, что дверь прикрыта не совсем плотно. Не думая о последствиях, повинувшись исключительно логике «глупой авантюры», Александра осторожно нажала на дверь. Потом чуть сильнее...

Оглушительный щелчок эхом пистолетного выстрела раскатился по всему подъезду, и дверь слегка приоткрылась! Сашино сердце упало в пятки от неожиданности. Вот сейчас она уж точно выскочит, и начнется... Одно оправдание: квар-

тира не была заперта. Собачка английского замка неглубоко вошла в свой паз и легко выскочила из него, когда на дверь надавили снаружи.

Но хозяйка почему-то и теперь не спешила выскакивать. И даже не крикнула – вообще никак не отреагировала на вторжение в ее квартиру! «Да что ж такое, неужели она не слышала?! Ведь хлопок и в самом деле был только чуть-чуть послабей выстрела... Хотя у нее там вода льется вовсю, могла и не услышать». В конце концов, Ольга Геннадьевна могла задремать в теплой ванне. Или...

Сашу кольнуло какое-то недоброе предчувствие. Может, с ней там что-нибудь случилось? Уж очень тихо в ванной, подозрительно тихо – если не считать, конечно, шума воды... Ни всплесков, ни мурлыканья – никаких звуков, которые обычно издает купающийся человек. И еще эта вода, как-то чудно она льется...

Вода и в самом деле шумела довольно странно: было такое впечатление, что внутри квартиры работает фонтан «Каскад». Мощная струя била в переполненный резервуар, из которого вода стекала на другой уровень тысячами мелких струек...

Александра просунула нос в образовавшуюся щель и вполголоса позвала:

– Ольга Геннадьевна?..

Когда, повторив имя хозяйки погромче, девушка так же не получила отзыва, она поняла, что ей придется на свой

страх и риск пересечь порог и проверить, в чем там дело.

На пути возникло еще одно препятствие в виде раскрытого зонта, поставленного в передней у самой двери; у Саши снова заколотилось сердце, когда он неожиданно заскрежегал, сминаемый дверью. Осторожно устранив помеху (зонт был еще совсем влажный), авантюристка с зелеными глазами прикрыла за собой дверь.

– Ольга Геннадьевна!.. Борис!.. Есть тут кто живой?

Саша сделала несколько несмелых шагов по циновке передней – и увидела огромную лужу, вытекающую из-под двери в ванную. Она уже распространилась на добрую половину кухни: видимо, пол в квартире имел уклон в ту сторону.

– Боже мой!

Уже не думая об осторожности, Александра рывком распахнула дверь с пластмассовым купающимся малышом – и застыла на пороге, беспомощно хватая ртом воздух...

Ольга Геннадьевна была мертва.

Голая, она лежала на дне переполненной ванны, через край которой хлестала вода. Только длинные крашенные волосы с рыжеватым отливом плавали на поверхности, словно бурые водоросли. Они бесшумно колыхались, почти скрывая лицо с полуоткрытым ртом и вытаращенными янтарно-желтыми глазами.

Это было так ужасно, что Александра почувствовала острый приступ тошноты. У нее не было сил добежать до соседней дверцы, и ее вырвало прямо на пол ванной, покрытый

водой на целую ладонь.

Плохо соображая, она кое-как прополоскала рот над раковиной и только тогда догадалась закрыть оба крана. Наступила убийственная тишина, которую нарушало лишь то-ненькое журчание мелких струек «каскада». Боясь смотреть в сторону трупa, Александра сползла по дверному косяку и тихонько завyla, зажав рот ладонью. Из нее рвался крик, но вместо этого получалось что-то похожее на кошку, застрявшую в водосточной трубе.

«Боже, что теперь делать?! Кого звать?.. Соседей, милицию, „скорую помощь“? Где же Борька, где он?!»

Мысль о «скорой помощи» натолкнула Сашу на следующее звено в ассоциативной цепочке, и она резво вскочила на ноги. Возможно, Ольга не совсем захлебнулась, и еще жива?! Может быть, она еще успеет ей помочь...

Преодолевая ужас перед этим безжизненным телом, не переставая скулить, Александра зачем-то засучила рукава рубашки (хотя они и так были мокры до нитки!), сунула руки в ванну и, ухватив труп за плечи, вытащила его из-под воды. Убрала мокрые волосы с бледного, кошмарного лица – оно напомнило зарубежные триллеры, которые Саша иногда смотрела по видику в Борькиных компаниях. Заглянула в тусклые зрачки, попыталась нащупать пульс... От потрясения она сразу позабыла все азы первой помощи пострадавшему, которым их учили на кафедре медицины ГО – гражданской обороны.

Впрочем, не надо было быть отличницей, чтобы сообразить: здесь все это ни к чему. Про Ольгу Жемчужникову можно было сказать смело – мертвее не бывает. Последние сомнения у Саши отпали, когда она обнаружила во рту погибшей кровь, смешавшуюся с водой.

Первым душевным движением опоздавшей спасительницы было вытащить женщину из ванны, положить тело в какое-нибудь более пристойное место и чем-нибудь прикрыть. Но едва она просунула руку под коленки бывшей хозяйки этого маленького бело-голубого царства, а другой рукой обхватила ее за плечи, – как резкий телефонный звонок, прозвучавший над самым ухом, заставил девушку вздрогнуть и выпустить свою скорбную ношу. Телефонный аппарат стоял на полке над ее головой, но она его только теперь и заметила.

Александре и в голову не пришло, что в ее положении отвечать на звонок не стоит. Напротив, она схватила трубку с облегчением – точно кто-то протянул ей через пространство долгожданную руку помощи. И когда услышала на том конце провода знакомое хриловатое «алло» – ее сердце затрепетало: пожалуй, никогда еще она не была так рада слышать своего бывшего возлюбленного!

– Борька, это ты! Слава Богу... Ты где?! Скорей, скорей приезжай! – Не в силах больше произнести ни слова, Саша зарыдала в трубку.

– Александра?!

Даже сквозь собственные истерические всхлипы она уло-

вила в голосе Жемчужникова смятение.

– Как ты... Как ты там оказалась?!! Почему ты ревешь? Где Ольга?!

– Борька... Я... пришла... А она... она в ванне... умерла-а-а...

– Как – умерла?.. Что ты несешь?! Да что случилось, говори толком!

– Н-не знаю... Разрыв сердца... или еще что. Захлебнулась... может быть... Воды полно кругом... Борька, что мне делать?! Приезжай, слышишь! Я тут одна... с ума сойду!

– Воды полно, говоришь?.. – словно эхо повторил Борис. Саша до глубины души возмутилась его непонятливостью.

– Ах, да при чем здесь вода, Господи! Приезжай немедленно, я же не знаю, что делать! Она умерла, умерла, понимаешь?! А ты про какую-то воду...

– Понял, понял, не кричи. Теперь вижу, что ты не шутишь. Ну-ну, Шурик, не плачь...

Услышав в его голосе прежние ласковые интонации, девушка заревела еще сильнее.

– Перестань же, будь умницей. Послушай меня... Ты внимательно слушаешь?

Саша промямлила что-то маловразумительное, но хлопнуть носом перестала.

– Я сейчас приеду и сделаю все что нужно. – Голос Борьки зазвучал твердо, он уже оправился от первого шока. – А

ты... Тебе лучше оттуда исчезнуть, Шурик, и побыстрее. Тебя кто-нибудь видел?

– Не-ет... Борька, но почему я должна...

– Ради Бога, не трать время на вопросы и возражения! Потом, когда успокоишься, ты и сама поймешь. Соберись и отвечай на мои вопросы. Ты ее трогала?

– Д-да, я думала, может быть, она еще... Хотела вынуть ее из ванны.

– Ч-черт! Ну ладно, это не так страшно... К чему-нибудь прикасалась?

– Конечно – ко всему. Краны закрыла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.